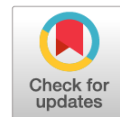

Пути развития философии права в России:
Круглый стол Междисциплинарного центра
философии права Института философии РАН*

7 декабря 2016 г., Москва

Список участников

Институт философии РАН

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович — доктор философских наук, профессор, академик РАН, Научный руководитель Института философии РАН.

СТЁПИН Вячеслав Семенович — доктор философских наук, профессор, академик РАН, Почетный директор Института философии РАН, президент Российского философского общества.

СМИРНОВ Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института философии РАН.

ЧИЖКОВ Сергей Львович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, ученый секретарь Междисциплинарного центра философии права.

РОЗИН Вадим Маркович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

ТУХВАТУЛИНА Лиана Анваровна — аспирант Института философии РАН.

Конституционный Суд РФ

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда РФ.

ГАДЖИЕВ Гадис Абдуллаевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда РФ.

Институт государства и права РАН

ГРАФСКИЙ Владимир Георгиевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН.

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права РАН.

Члены Московско-Петербургского Клуба и гости

КЕРИМОВ Александр Джангирович — доктор юридических наук, профессор Юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

БАРЕНБОЙМ Петр Давидович — кандидат юридических наук, адвокат, партнер Коллегии адвокатов г. Москвы «Барщевский и Партнеры».

ЗАХАРОВ Александр Владимирович — кандидат экономических наук, председатель Попечительского совета Московско-Петербургского философского клуба.

ВОЙНИКАНИС Елена Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института права и развития ВШЭ–Сколково.

* Рекомендуемая ссылка: Гусейнов А.А., Степин В.С., Смирнов А.В., Чижков С.Л., Розин В.М., Тухватулина Л.А., Бондарь Н.С., Гаджиев Г.А., Графский В.Г., Лапаева В.В., Бочкарев С.А., Керимов А.Д., Баренбойм П.Д., Захаров А.В., Войниканис Е.А., Кравченко Д.В. Пути развития философии права в России // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 9–49.

Гаджиев Гадис Абдуллаевич

Гусейнов А.А.: Уважаемые коллеги, это — очередная встреча философов и юристов в рамках Междисциплинарного центра философии права. Она посвящена обмену мнениями по вопросу о состоянии и развитии философии права в России и непосредственно продолжает разговор на тему «Право и национальные традиции», который состоялся год назад (материалы опубликованы в журнале «Вопросы философии», № 12 за 2016 г.) и проходил в режиме круглого стола. Предлагаю и сегодня провести обсуждение в таком же формате. Открывая наше заседание, особо хотел бы приветствовать присутствующих членов Конституционного Суда, которые дороги нам и уважаемы нами и в качестве известных ученых правоведов, и в качестве действующих судей. Их участие в предстоящей дискуссии можно рассматривать как залог того, что теоретическую актуальность рассматриваемых проблем философии права мы будем сопрягать с их практической злободневностью в конкретных условиях современной России.

Будет, наверное, правильно, если мы откроем обсуждение выступлением Гадиса Абдуллаевича Гаджиева.

Гаджиев Г.А.: Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович! Год назад, когда была заключена благословенная конвенция о систематическом характере встреч юристов, в том числе судей Конституционного Суда, и выдающихся российских ученых-философов, мы обсуждали несколько частную проблему традиционализма в праве, в особенности, в конституционном праве. На первый взгляд

может показаться, что предмет обсуждения был мелковат. Сегодня мы собираемся побеседовать о более масштабных вопросах, касающихся путей развития философии права в России. Хочется обратить внимание на то, что по существу это важное обсуждение началось все же уже год назад, поскольку мы вышли на вечные вопросы философии права «что есть право», «существует ли связь между правом и традициями и моралью».

В начале XX в. научные представления о праве, его юридическая картина, в основном, были исследованы юристами-позитивистами. Если говорить метафорически о сложных концептуальных проблемах права, то можно использовать образ пирамиды с основной нормой, по Кельзену, на ее вершине. Такое вот иерархически-линейное изображение права. И очевидно, что в центре этой картины было национальное право одной страны. В XX в., особенно во второй его половине, неожиданно резко возрос как объем, так и авторитет международного гуманитарного права. Кроме национальных творцов права появились наднациональные, весьма креативные правотворцы — органы наднациональной юстиции и международные организации. Для изменившегося права больше подходит образ опоясывающей весь наш мир нормативной сети; это гораздо более сложное представление о юридической картине мира.

Именно поэтому, обсуждая путь развития философии права в России, необходимо описать философским языком произошедшие парадигмальные изменения в мировой юридической картине мира и, естественно, сфокусироваться и на том, что представляет собой российское право.

Я исхожу из того, что мы, российские юристы, должны перейти черту, очерчивающую традиционные представления о праве как «праве писанном», праве из закона, и продумать, а возможна ли иная его картина, охватывающая как писанное, так и неписанное право. Наверное, это будет непросто, но, если мы сумеем доказать, что устоявшееся представление о писанном праве иллюзорно и чрезмерно фиктивно, то тогда будет легче решиться перейти черту.

Основной философской концепцией, которая лежит в основе российской научной картины мира, является метафизическая картина, образуемая «раем юридических понятий» (Р. фон Иеринг), их систематизацией, построением многочисленных классификаций, которым придается скрытое нормативное значение своего рода «вторичных правил» (выражение известного позитивиста Г. Харта). Господствует представление об автоматизме поведения субъекта права в процессе реализации правовых норм. Раз есть юридическая норма, она содержится в законе, не утратившем силу, т.е. действительном законе, то она обязательно влияет на мотивы поведения человека. То есть любая норма, являющаяся действительной (понятие, употребля-

емое Г. Кельзеном), непременно оказывает эффективное ценностно-мотивационное регулирующее воздействие на поведение людей, вступающих в отношения. «Пагубные последние последствия специализации научных знаний», о которых писал фон Хайек, и зашоренность научного познания привели к появлению иллюзорного научного представления — раз юридическая норма действительна, то она обязательно — эффективно или не вполне эффективно — оказывает регулирующее воздействие. А ведь это фиктивная презумпция, поскольку довольно часто поведение людей обусловлено не теми мотивами, которые создаются действием юридической нормы, а теми, которые дают иные, социальные нормы, порой обладающие большей мотивационной силой.

Юристы не склонны обращать внимание на разную мотивационную силу неписанных норм. Элементарный пример: человек берет в долг тысячу рублей с обязательством вернуть долг своему кредитору через месяц. Проходит месяц, и он либо возвращает, либо не возвращает деньги. Если он избирает первый вариант поведения в имущественном отношении, то юристы объясняют это боязнью юридического наказания, предусмотренного нормами закона. Философ, занимающийся этикой, объяснит такое поведение тем, что родители в детстве привили своему ребенку этические нормы добропорядочности. А экономист, который читал Адама Смита, скажет, что долг выплачен, потому что исполнять контракты выгодно. Попутно задам вопрос — а можно ли считать юридической нормой правило, содержащееся в российском законе, которое ни разу не применялось (скажем, правило закона об образовании о внеочередном предоставлении социального жилья работникам народного образования)?

В экономической теории, в рамках экономического анализа юридических норм развиваются концепции конвенционализма — исследования стимулирующего воздействия и регулирующего эффекта юридических норм. Экономисты избрали обратную презумпцию: онтологическое существование юридической нормы может стимулировать поведение, и чаще всего это происходит, но она может и не оказывать никакого регулирующего воздействия в силу противодействия ей неписанных, неюридических норм. Если стремление человека к максимизации прибыли (или, в широком смысле, полезность), создаваемое неписанной, но столь же онтологически укорененной экономической социальной нормой, сильнее законопослушности, то стимулы, создаваемые юридической нормой, слабы, или их нет вообще. Поэтому в экономической институциональной теории юридические нормы, содержащие санкции за девиантное поведение, рассматриваются экономистами (Гэри Беккер, лауреат Нобелевской премии) как своеобразные цены, назначае-

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович

мые за определенное поведение и действующие на специфических «рынках».

Я пытаюсь сфокусироваться на вопросе о сложном контексте разных социальных норм, включая экономическую норму максимизации полезности, в котором находятся сугубо юридические нормы. Должна ли современная юридическая картина мира описывать эту взаимосвязь — не только 1) национальных юридических норм — и норм международного права, 2) не только юридических норм — но и иных, весьма влиятельных социальных норм — социальной традиционности, экономических, культурных норм? Надо ли юристам перейти рубикон ими же сформировавшейся в течение тысячелетий «догматической независимости» (выражение Никласа Лумана)¹ правовой системы?

Постмодернистские представления о юридической картине мира представляют собой нечто децентрализованное, неиерархичное — по Кельзену. Это что-то, вызывающее ассоциацию с идеей постструктурализма, — идеей ризомы, это способ принципиально нелинейной организации некоей целостности (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), оставляющий открытой возможность для внутренней подвижности.

Не случайно юристы стали писать о новой эстетике права. Я имею в виду работу Пьера Шлага «Эстетики американского права»². У него об-

¹ Luhmann N. Funktionale Methode und juristische Entscheidung // Archiv des öffentlichen Rechts (AöR). 1969. Bd. 94. S. 1, 4; см. также: Idem. Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. Suhrkamp, 1999. S. 276.

² Шлаг П. Эстетика американского права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 112–181.

раз права — это образ сетки, который является сознательной концептуальной стратегией³.

Постмодернисты выдвигают идею ризомного децентрализованного права. В их представлениях право не является иерархической, имеющей единое основание структурой, оно представляет собой разветвленную, многомерную сеть — ризому, состоящую из множества случайно и локально развивающихся элементов — язык права, символы права, нормы права, акты правоприменения, законы, традиционные правовые ценности⁴.

Реальная, регулирующая юридическая норма сцеплена с множеством социальных норм, усвоенных человеком.

Поэтому, если перенести эту норму в другую страну, с иными социальными нормами, она не будет действовать. Юридическая норма, содержащаяся в законе, но не применяемая, с этой точки зрения не относится к праву. Это только логическое понятие, некая безжизненная, почти математическая формула. В XIV–XVI вв., во время рецепции римского права в средневековой Европе, итальянские, испанские, голландские, немецкие ученые-юристы стали использовать юридические нормы римского права как своеобразный строительный материал для построения национального законодательства. При этом они знали только логико-правовой контекст этих норм. Они не могли знать неюридический контекст, т.е. давно забытые социальные нормы, находившиеся во взаимосвязи с нормами римского права. «Оживить» их было невозможно.

Оскар Шпенглер очень точно писал в «Закате Европы» о том, что рецепция в Европе римского права — это лишь логическое словоупотребление, но не сама жизнь, лежащая в основе этих юридических норм. Умолкнувшую метафизику римских правовых понятий невозможно пробудить мышлением средневековых европейцев, сколько бы они их ни применяли. Правовые нормы всегда обращены к людям, и есть связь между нормой и сознанием людей — современников появления этой нормы. Люди в римском обществе, помимо этих юридических норм, руководствовались также и неписанными социальными нормами.

Эти идеи постструктурализма можно легко обнаружить в известной статье А. Фоскуле, Председателя Конституционного Суда ФРГ, в которой используется запоминающаяся метафора о современной скульптурной форме, именуемой мобиль⁵. Мобиль представляет собой скульптуру, созданную в стиле кинетизма. Метафора с мобилем используется Фоскуле для деконструкции

сложившихся представлений об иерархической структуре наднационального и национальных конституционных право порядков.

Мобиль — это подвижная скульптура, состоящая из множества сохраняющих равновесие элементов, которые могут двигаться, но соединены между собой веревками или проволокой. Эта конструкция противопоставляется Фоскуле пирамиде как неподвижной иерархичной геометрической конструкции.

Для описания взаимоотношений европейских конституционных судов с Европейским Судом по правам человека больше подходит метафора мобиля.

В юридическом вокабуляре А. Фоскуле не случайно используются слова о культурном релятивизме, т.е. о различиях в культуре даже западноевропейских народов. И в этом проявляется методология культурного плюрализма, являющаяся так называемым культурно-историческим подходом в процессе юридического познания. В основании этой юридической методологии находится тезис о том, что общечеловеческая культура как юридическое понятие представляет собой разновидность конституционно-правовых фикций, в которой проявляется претензия только одной из цивилизаций на культурное и правовое первенство, незаметно превращающееся в стремление к гегемонии. Поэтому принцип плюрализма культур является антитезой культурному монизму. В русле этой исследовательской парадигмы работают такие немецкие философы, как Г. Люббе, Ю. Хабермас, правоведы Х. Папир, Г. Люббе-Вольф.

Культурно-историческая методология основана, помимо принципа культурного плюрализма, на принципе органицизма, который предусматривает рассмотрение партикулярной национальной культуры того или иного народа как своего рода организма, живущего по его внутренним (не внешним) законам, единым для всех народов на Земле. Поэтому культуры различных народов являются неким органическим целым, чем-то вроде совершенно уникальной коллективной души. В немецкой литературе это понятие именуется термином гештальт (Gestalt). Именно этот принцип позволяет объединить в одно направление таких, в общем-то, разных ученых, как русского ученого Н.Я. Данилевского, английского ученого А. Тойнби, немецких ученых Г. Люббе и О. Шпенглера. Близкие к ним взгляды высказывали русские евразийцы — Н. Трубецкой, П. Савицкий.

Теперь, приступая к основной части своего выступления, я свою задачу (с позиции практической юриспруденции) вижу еще более усложненной, ведь помимо того, чтобы излагать какие-то свои собственные представления о философии права, надо попытаться сделать нечто большее — показать, что знание философии права, развитие

³ Там же. С. 122.

⁴ Яркова Е.А. История и методология юридической науки. Тюмень, 2012. С. 329.

⁵ Фоскуле А. Права человека. 2014. № 4. С. 8–12.

философии права — это есть некая насущная потребность практической юриспруденции. Мне хочется показать на примерах, что эти знания играют очень важную роль в принятии, особенно, самых сложных, решений. И тут я опираюсь на авторитет Евгения Васильевича Спекторского, которого считаю своим проводником в мире философии права, одним из самых авторитетных русских философов права Серебряного века. Так вот, он в своей статье «Философия и юриспруденция» (опубликованной 100 лет назад, в 1916 г.) писал, что в каждом бытовом, простом юридическом деле можно обнаружить глубины философии. Это действительно так, можно обнаружить все глубины философии даже в небольших и не очень значительных юридических делах. Итак, что может дать философия права практической юриспруденции? Вот известное выражение Вико: «Странная способность ума — все связывать». Философия права — это та система идей, научных и философских, которая позволяет юристам связать юридический мир со всем остальным миром идей. И с эстетическим концептом, и даже с математическим концептом действительности. Все можно связать с помощью философии права. Философия права — это по сути дела мировоззрение, юридическое мировоззрение. И как всякое мировоззрение оно дает представление о том, что есть *юридический мир* и какими методами, какими способами познается этот особый юридический мир (то, что он особый, я в этом совершенно не сомневаюсь). Вот, собственно говоря, что из себя представляет философия права. И я несколько слов в своем выступлении скажу о том, как возник этот юридический мир и что он из себя представляет в своем классическом выражении *метафизического юридического мира*.

Понятие «картина мира» в философии широко использовалось Э. Кассирером, который писал о том, что победа картезианской философии коренным образом изменила всю картину мира⁶. Конечно, он имел в виду изменения в научных представлениях об окружающем нас мире. Как известно, понятие «научная картина мира» широко используется в работах В.С. Степина. Это то, что появилось, с моей точки зрения, в I–III вв. н.э. Это период классической римской юриспруденции, когда и возникла метафизическая юридическая картина мира. И самый любопытный вопрос для меня, а есть ли какое-то влияние, пусть и метафизической, философии на философию права? И происходит ли сейчас какое-то серьезное изменение, настолько серьезное, чтобы влиять и на практику? Потому что, если это только предмет научного дискурса, значит, философия права не добралась до практической юриспруденции. Если же философия права проникла в ткань прак-

тики, то это свидетельствует уже о более серьезном влиянии, это уже некий показатель того, что наука пошла вширь и добивается каких-то более серьезных результатов. И я думаю, что действительно (не говоря уже про западную философию права) некое состояние оцепенения, в котором пребывала философия права (особенно в нулевые годы — полное отсутствие публикаций), проходит. Появляются новые, очень интересные публикации. Совсем недавно вышла книга о философии права В.М. Розина, очень интересная публикация по философии и языку права Харта. Ну, конечно, очень интересные философские идеи нам постоянно предоставляет В.Д. Зорькин в своих книгах. На что я еще обращу внимание? Есть еще книга, которая вышла в Харькове два — три года назад. Наш коллега, А.В. Стовба, издал книгу о неклассической философии права. Мне она показалась тоже очень интересной. Как видим, процесс идет. Ранее публикации ограничивались только учебниками, сейчас же появляются интересные монографические исследования.

В своем выступлении хочу обратить внимание на следующие узловые точки.

Начну с того, что, собственно говоря, много веков мы, юристы, пользовались сугубо метафизическими представлениями о юридическом мире. Юридические понятия, классификации — чистая метафизика. И я бы не стал так относиться к этим взглядам, метафизическим, догматическим, как к чему-то, что обязательно надо преодолеть. Моя точка зрения исходит из того, что есть нечто в этих представлениях совершенно несокрушимое, нечто, что составляет самость юридической науки, от которой мы никогда не избавимся. Это познавательные конструкции, которые были использованы при появлении юридического мира, которые означают, что это и есть юриспруденция как самостоятельная юридическая наука. И если мы попытаемся исключить что-то из этой юридической науки в ущерб догматическим представлениям, то сама по себе эта наука может просто перестать существовать. Попутно замечу, что в XX в. был брошен сильнейший вызов нашей догматической юриспруденции со стороны экономистов. Это та система взглядов, которая сейчас получила большое распространение — *law and economics*. Они говорят: «Мы смотрим на право с нашей экономической точки зрения и видим, что надо извлечь из права основной стержень. Надо извлечь вашу ориентировку только на идеи справедливости. А вместо справедливости вставить другой основополагающий стержень — экономическую эффективность». И тогда все станет на место. И тогда право станет более совершенным.

И мы даже иногда, когда рассматриваем конкретные дела, сталкиваемся с тем, что приходится оценивать — а на самом ли деле можно заме-

⁶ Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. С. 32.

нить справедливость эффективностью? Сейчас в Конституционном Суде РФ рассматривается достаточно сложное дело. В Гражданском кодексе РФ, в самой современной его части — об авторских правах, появилась система наказания тех, кто нарушает авторские права, так называемые карательные штрафы или карательные убытки. Так, если нарушитель, скажем, какой-то мелкий торговец, продает диски с песнями Стаса Михайлова, его штрафуют, и за каждое произведение с него взыскивают заранее нормативно установленные убытки, не те, которые он реально понес, а те, которые законодатель посчитал нужным установить, прямо как в уголовном праве.

Размер этот — от десяти тысяч рублей (минимальная ставка) — до пяти миллионов. А на диске Стаса Михайлова может быть двести песен. И вот, продает какая-нибудь женщина в далекой глубинке диск, ее фотографируют, тут же идут в суд, и это абсолютно гарантированное выигрышное дело. На женщину налагается штраф, как минимум, миллион двести тысяч рублей.

Сейчас об этом деле говорить подробно я не стану, еще решение не объявили, но в общем-то сама по себе эта норма — результат рецепции. Она заимствована и попала к нам благодаря воздействию нескольких стран. По существу, это американская норма. Ее нет в Европе. Она появилась у нас и в постсоветских странах. Это продукт той самой идеологии «права и экономики», когда рассуждают примерно так: есть некие нетрадиционные рынки, есть преступления — это товар. Есть наказание — это цена. Это своеобразный рынок. И если мы хотим искоренить какое-то преступление, давайте будем «задирать» цену на это преступление, и это будет эффективно. И никакая справедливость, собственно говоря, не нужна, потому что все можно подсчитать и определить наказание. Я кратко изложил взгляды Лауреата Нобелевской премии в области экономики Г. Беккера, изложенные в его статье 1968 г. «Преступление и наказание: экономический подход». Но иногда возникают такие ситуации, что всем очевидно, даже судьям, которые решают эти дела, что это неразумно, несправедливо. И в Конституционный Суд РФ обратились сами судьи с просьбой проверить, насколько эта норма, взятая из американского правового порядка, соразмерна, справедлива.

Как вы понимаете, это вопрос о том, каким же должно быть право, тем более рецептированное. Может ли оно быть по-прежнему основанным на началах этики, т.е. справедливости, или оно должно преследовать сугубо прагматические цели и, избавясь от этики, стать сугубо экономически эффективным?

Когда я говорю о метафизическом юридическом мире, я не вкладываю в это понятие никакой отрицательной коннотации. И это наше

безусловное достижение. Под «нашим» имеется в виду — юристов, которые три тысячи лет работали над этой идеей. И это все заслуживает чрезвычайно высокой оценки. Что я имею в виду под этой юридической картиной мира? Это, конечно, такое устройство, когда в мире существуют юридические отношения. И эти юридические отношения чрезвычайно отличаются от фактических, бытовых, жизненных отношений. Во-первых, в эти юридические отношения вступают не живые человеческие существа (как бы это ни казалось странным). В этих юридических отношениях участвуют их юридические маски. Участниками юридических отношений являются лица — не живые биологические существа. И это означает, что в этом юридическом мире возможно существование отношений не только между живыми людьми, наделенными волей и сознанием, но и отношений между, скажем, лицом и его вещью. Этой вещью может быть его любимая собака — вещь одушевленная. И закон это учитывает. Само по себе понятие «лицо» (тут очень информативен гений латинского языка) обычно у нас переводится как человек, иногда как гражданин, персона. В латинском языке первоначальный смысл этого слова — «маска». Это маска, которую надевал на себя человек, когда он вступал в этот юридический мир, своего рода театр. Так что персона — это понятие из тех глубин веков, когда это была просто театральная маска этрусского происхождения. Потом это снова стало использоваться для обозначения лица, его жизни в этом измышленном, совершенно фиктивном или фикционным, точнее сказать, мире.

Вот откуда произошел этот мир юридический, в котором все, конечно, редуцировано, все упрощено. Судья, когда он решает конкретное дело, должен практически, как в математике, отрешиться от всего ненужного. Объективность. Судье не должно ничего мешать, никакая личная информация — цвет глаз, происхождение, характер. Все это абсолютно безразлично. Есть некая юридическая схема. С одной стороны — права, с другой стороны — обязанности. И вот эта некая редукция существует в юриспруденции. Эта конструкция юридического мира метафизическая, она чрезвычайно полезна, нужна, и она будет всегда. Более того, она имеет очень большое значение при преподавании права, для того, чтобы юристов ввести в этот мир особый, где говорят на юридическом языке, где слова сразу же видоизменяются. Обыватели просто не понимают смысла юридических слов, хотя юристы произносят слова русского языка. В юридическом мире есть бестелесные вещи. Хотя для обывателя это кажется каким-то оксюмороном. Если вещь, то она должна иметь какую-то материальную сущность. А юристы могут говорить о ценных бумагах, и при этом под этими ценными бумагами

понимают акции, которые в виде бумаг-то и не существуют. Они существуют только как записи в цифровом мире. А мы называем это «бумага», еще и «ценная бумага». То есть у нас много такого, в юридическом мире, совершенно непонятно для простых людей.

Очень большое значение для юридического представления о конфликтной стороне бытия имеет этика. Юриспруденция, вне всякого сомнения, выросла из этики. Даже слова о том, как возникла юриспруденция — из Дигестов Юстиниана — известное высказывание «*Justitia colimus*». «*Justitia*» — справедливость, «*colimus*» — возвращать. Это некая образность и одновременно очень тонкая характеристика того, как возникло право. Вот как землелепец возвращает хлеб насущный, который необходим для того, чтобы человек жил, для тела человека, также и юристы должны возвращать справедливость, которая нужна для души. Без нее невозможна социальная жизнь. «*Colimus*» — это и есть вот это возвращение. Сначала этим занимались жрецы, а потом стали заниматься профессиональные юристы.

В рецензии на мою книгу об онтологии права Ю.А. Веденеев пишет, что категория «*юридическая картина мира*» открывает новые возможности и перспективы концептуализации ключевого предмета правоведения — социокультурных, экономических, ментальных и когнитивных условий и факторов юридической эволюции⁷.

Используя данную категорию, Ю.А. Веденеев, по сути, опирается на предложенную мной категорию *юридического концепта действительности*⁸, существенно дополнив и, надо признать, удачно скорректировав ряд выдвинутых мною идей. В частности, он верно подметил, что право или правовая реальность — это не «незначительная часть всеобщей реальности», а само социальное бытие, но только в одной из онтологически заданных форм существования социального бытия, оно имманентно сущему, пребывает не над и не вне социальной реальности, поскольку находится внутри ее. Правовое, по мнению Ю.А. Веденеева, — это такое фундаментальное качество социальной реальности, которое гарантирует социальный порядок.

Частью правовой реальности является система юридических идей, образующих юридический концепт действительности, который представляет собой разновидность научного осознания того, что люди называют правом, т.е. прежде всего систему научных юридических понятий. К появлению этого юридического научного языка самое непосредственное отношение имеют такие знаменитые ученые, как Б. Спиноза, Э. Вей-

гель, Г.В. Лейбниц, С. Пуфендорф и др. Учитель Лейбница и Пуфендорфа Вейгель, профессор Йенского университета, пожалуй, первым разработал проблему «установления», которую поставил еще Т. Гоббс, различая в окружающем человеке мире «естественное» и «установленное», т.е. созданное сознанием человека.

Ценность учения об установлении состоит в том, что оно оказало влияние на философскую теорию познания, а через нее — на развитие юридического концепта действительности. Появилась особая теория морального (юридического) познания, отличного от познания физического, естественнонаучного и психологического.

Теория Вейгеля обосновала реальность морального (юридического) мира на таких предпосылках, писал Спекторский, которые не только не совпадают с предпосылками реальности физического мира, но даже как бы исключают их и противопоставляются им. Вейгель и его последователи, и прежде всего Пуфендорф, установили, что моральное познание имеет дело с «*ноуменальным*» человеком, который существенно и принципиально отличен от человека «*феноменального*», а поэтому выходит за пределы не только физического, но и психологического познания. Так, моральная (или юридическая) воля, с которой имеют дело этика и юриспруденция, не равнозначна психологической воле человека.

Подобным же образом моральное лицо, физическое лицо в праве являются чем-то существенно и даже принципиально отличным от понятия психологического субъекта, который, в свою очередь, представляет далеко не то же самое, что физическая вещь. Иными словами, учение И. Канта о «правовом разуме», взятое, по крайней мере, с методологической стороны, уже было готово в XVII столетии⁹.

В период «золотого века» русской юриспруденции, т.е. в конце XIX в. — начале XX в., идеи Вейгеля получили развитие. Эти онтологические идеи высказывал русский философ права Б.А. Кистяковский, который писал, что окружающая нас жизнь — это неоднородная реальность, она представлена различными реальностями. Одно дело — реальность физических вещей (вещный мир), другое — духовная реальность литературного или художественного произведения. Эти различные реальности тесно связаны между собой и как бы опираются друг на друга.

Концептуализм в праве — это, по сути, часть юридического мировоззрения, теоретическая система, которая базируется на юридических символах — конструкциях, понятиях, фикциях. Право — это, прежде всего, правовые понятия, и самые важные из них — «объект прав» («вещь»), «субъ-

⁷ См.: Веденеев Ю.А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // *Lex russica*. 2014. № 6.

⁸ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

⁹ См.: Спекторский Е. Проблема социальной физики в XVI веке. Т. II. Киев, 1917. С. 535.

ект прав», «правоотношения», «вина», «воля», «источник права», «ответственность» и т.д. Все они априорны по своей природе, первичны, это не результат, а инструмент науки. Вещи — уникальный элемент правового концепта. Именно они представляют собой объекты-гибриды, в которых соединяется природное, социальное и идеальное бытие. Правовые понятия — не случайно обобщенная совокупность правовых явлений, а объективно необходимые категории юридического мышления, которые мифологизируют действительность, поскольку оперируют априорными понятиями, и которые несут оценочный характер, так как направлены на упорядочение отношений между людьми посредством отделимости юридически существенного от юридически безразличного. Юридический концепт появился тогда, когда римские юристы создали понятие субъекта права — *persona*, который выступает юридическим символом. Это не реальный, биологический человек, а правовое существо.

Тело человека как биологического существа нуждается в еде, «хлебе насущном», но его сознание нуждается прежде всего в справедливости. У академика А.А. Гусейнова есть любимая книга — «Никомахова этика» Аристотеля — с идеей дистрибутивной и коррективной справедливости. Естественно, что представления Древней Греции об этих двух справедливостях в свое время и то, как они понимаются сейчас, — небо и земля. Очевидно, что они видоизменились. И это свидетельство того, что самые основополагающие юридические и этические понятия не существуют как абсолютные и застывшие во времени. Они постоянно видоизменяются. То есть их всегда надо погружать в контекст времени, пространства и даже отдельного народа. Представления о справедливости у разных народов могут быть совершенно разными.

Если мы увлекаемся дистрибутивной справедливостью (а это, как известно, воздаяние каждому члену общества, исходя из его заслуг), мы можем уйти влево, в социал-демократию. Корректирующая справедливость рассматривается как субсидиарная, дополнительная к дистрибутивной, но она в большей степени важна юриспруденции. Потому что на основе корректирующей справедливости строятся основные юридические конструкции, начиная с договора. Равенство сторон, некая такая арифметическая справедливость, наказание в праве — это тоже воздаяние за то, что ты совершил. Это вот такие основополагающие логические и этические конструкции, которые предопределили все последующее развитие юридических конструкций.

Остаются ли они неизменными? Да нет, конечно, они очень быстро изменяются, они подвержены влиянию времени. И вот тут, как мне кажется, один из самых сложных вопросов (я на этом вопросе остановлюсь и закончу), который

возникает в практике Конституционного Суда. Речь идет об отношении к неким юридическим понятиям. Носят ли они абсолютный характер или все-таки относительны? Как это все выглядит с точки зрения практики? Есть некие представления о правах человека — кантовская традиция, что это некие универсальные права. Универсальные значит абсолютные. Абсолютные значит вечные. Универсальные означает, что они универсальны для всех абсолютно народов — независимо от того, где живет человек. На этом, собственно, построены все основные документы по международному праву. И вот тут возникает вопрос: а был ли прав в этом смысле Кант? на самом ли деле эти права несут универсальный характер? Может здесь иметь какой-то присущий американцам прагматизм? Есть взгляды Р. Рорти о том, что нет ничего абсолютно универсального. Все наоборот привязано к конкретной ситуации, к конкретному времени, к конкретному народу. Вот это, пожалуй, одна из самых сложных развилочек, на которой мы сейчас находимся, ибо Европа пошла по пути универсализации. Собственно говоря, целый институт, очень влиятельный институт — Европейский Суд по правам человека — существует для того, чтобы универсализировать представления о правах человека. Навероятно полезный институт. Девяносто пять процентов того, что делается этим органом, мне кажется полезным для всего человечества, и в том числе для европейцев.

Но есть и проблемы. Допустим, есть некое желание, чтобы очень быстро все было у всех одинаково. Но Европа — от Лиссабона до Владивостока — очень неодинакова. И сделать так, чтобы сложились универсальные представления абсолютно обо всех правах, это значит, по сути дела, заменить нашу этику, которая очень различна. Вот тут-то и возникают сложности, которые мне иногда кажутся практически непреодолимыми, если будет очень жесткая позиция с обеих сторон. Если наш разговор будет решением диалога, если мы будем слышать и не будем друг другом командовать и требовать невозможного, тогда можно сказать, что есть перспектива. Если же этот диалог сорвется, то будет плохо. Но для того, чтобы этого не произошло, должны быть какие-то не абсолютистские, не абсолютные, не универсалистские решения. Для сравнения, два цвета — черный и белый, в диапазоне множество оттенков серого. Нет ничего абсолютного и нет абсолютных решений.

Если мы подходим к правам человека как к абсолютным, мы должны рассматривать их как абсолютно неприкосновенные. И в принципе их невозможно сопоставлять, их невозможно взвешивать. Что такое взвешивать? Мы сталкиваемся почти каждый день в суде с трудными делами, когда носитель одного права, допустим, молодой

предприниматель говорит: «Я не хочу платить новый налог». А с другой стороны — носитель другого права, пожилой человек, который всю жизнь работал и сейчас получает маленькую пенсию. И он говорит: «Нет, я хочу получать большую пенсию». Это два противоположных права, бинарный состав. И как только мы встаем на сторону одного, допустим, молодого предпринимателя, и говорим, что он не будет платить налог или платить мало налогов (что, кстати, экономически выгодно и эффективно), то тогда будут ущемлены права других. Если заниматься только перераспределением, то пройдет какое-то количество времени и окажется, что распределять то уже нечего. Необходимо соблюдать баланс между очень важными характеристиками абсолютно равноценного права. Ибо в нашей догматике права не ранжируются. Ни одно из них не возвышается над другим. Все они с точки зрения конституции равновелики. Но тем не менее указанные права вступают все-таки в конфликт, и в ситуации конкретного спора абсолютное основное право должно приобрести характер относительной величины. Где-то нужно уступить, надо искать баланс. И желательно, чтобы это был такой баланс, чтобы если даже одно основное право возвеличивалось, то при этом не разрушалось другое.

Таким образом, мы видим, что от философии права до практической юриспруденции дистанция очень небольшая. Это вопросы, с которыми практикующие юристы сталкиваются практически каждый день. Философия права это не нечто умозрительное, это прежде всего отклик на то, что реально существует в жизни, причем в наиболее острых формах.

Как отвечать на эти вызовы, каким должен быть язык философии права? Вот, собственно говоря, на мой взгляд, путь, по которому нужно идти, развивая философию права. Спасибо!

Чишков С.Л.: На прошлом нашем круглом столе, который был год назад, я высказал некоторую озабоченность, связанную с тем, что право постепенно вытесняет другие сферы нормативности и узурпирует все пространство человеческой жизни. Эта тенденция представляет определенную опасность. Дело в том, что нормативное пространство человеческой жизни очень сложно устроено, и человек, находящийся в нем, постоянно делает выбор. В основе данного выбора всегда лежит внутренняя свобода человека, его самоопределение. Внутренняя свобода существенно связана с его нравственностью, тогда как право — с внешней свободой. Внутренняя свобода — это в первую очередь нравственное самоопределение человека, которое только и делает из него то, что мы называем личностью. Право же не интересует эта сторона человеческой жизни, поскольку, как было правильно отмечено в выступлении Гадиса Абдулаевича, в юридических отношениях участвуют

*Смирнов Андрей Вадимович
Чишков Сергей Львович*

не сами люди, а их юридические маски. С одной стороны, наличие маски позволяет защитить свой внутренний мир от посторонних, не обнажать, не выставлять свою субъективность на показ. И в этом большое благо права. Но с другой стороны, это благо существует ровно постольку, поскольку право находится в определенных и довольно жестких границах и не выходит за них. Как только оно начинает вмешиваться в сферу нравственного самоопределения людей и в область отношений, основанных на любви, долге, привязанности, так сразу мы обнаруживаем его пагубное влияние. Как сказал один наш философ права: «Принудительная нравственность есть безнравственность». Отношения, основанные на нравственном чувстве, не могут быть отношениями масок, и семья тому наглядное подтверждение.

Определение пределов права всегда рассматривалось в контексте проблемы соотношения права и нравственности. Неслучайно в русской правовой мысли от Чичерина до Новгородцева и С. Гессена проблема взаимосвязи и соотношения внутренней и внешней свободы всегда была в центре внимания и понималась именно как философско-правовая проблема. Говоря о путях развития философии права, полагаю, мы не можем обойти вниманием эту проблему.

К сожалению, в конце XIX в. в русской правовой науке тон стал задавать правовой позитивизм, имеющий не только весьма ограниченный взгляд на право, но и не менее ограниченный взгляд на задачи именно философии права. Проблема внутренней свободы стала представляться чем-то сугубо спекулятивным, не имеющим отношения не только к социальной действительности, но и к онтологии человеческого существования. Во многих других отношениях замечательный юрист Г. Шершеневич в своем многотомном исследовании под названием «Общая теория права. Философия права» довольно язвительно перефразирует Канта, мол, нравственный закон

не в нас, а вне нас, как и звездное небо. Отрицая в принципе внутреннюю свободу и настаивая на том, что человеческая нравственность — это лишь усвоенные человеком социальные нормы, он приходит к выводу, что философия права должна строиться на основе научной (в позитивистском смысле) социологии, а если быть более точным, то социология права и есть для Шершеневича подлинная философия права. Соответственно, человеческое поведение должно оцениваться в качестве нравственного или безнравственного в зависимости от того, насколько оно соответствует установленным в конкретном обществе социальным нормам, а они есть не что иное, как требования по самосохранению общества. Правовые нормы имеют ту же самую природу и служат тем же целям, поэтому ни какой принципиальной разницы между правом и нравственностью нет.

Стирание грани, а точнее — границы, между правом и нравственностью неизбежно ведет к той или иной форме отрицания внутренней свободы. Лейбниц и Вольф представляли право лишь неким необходимым в обществе этическим минимумом, который нуждается в принудительном внедрении. Но именно эта идея послужила основой теории и практики полицейского государства с его системой тотального контроля и опеки над обществом и личностью. Именно эти порядки в Германии так возмутили Карамзина во время его путешествия по Европе. В. Гумбольдт, разрабатывая доктрину правового государства, именно кантовскую концепцию внутренней свободы и его видение соотношения права и нравственности положил в основу своей доктрины.

Стирание грани может идти и другим путем, тем, что предложил Шершеневич (и не только он). Я привожу здесь его взгляды как наиболее последовательную реализацию позитивистской программы в приложении к праву. Есть социальные нормы, их деление на разные категории условно, так как их природа едина. В зависимости от социальной или политической ситуации государство может расширять сферу принуждения к их исполнению или сужать. Правовое регулирование может расширяться, более того, оно будет расширяться, так как показывает свою эффективность. Соответственно, те социальные нормы, которые ранее относились к моральным, могут стать правовыми. И ведь становятся!

Один из моих, ну не то, чтобы любимых, но наиболее уважаемых (к сожалению, он скончался несколько лет назад) философов права — Рональд Дворкин свою книжку «Империя права» начинает очень важными словами: «Мы живем в праве и посредством права». Но при этом он отмечает, что такое положение чревато серьезными опасностями. Из этих опасностей он специально выделяет так называемые социальные

службы, которые снимают с нас нравственную ответственность за наших родственников. Забота о близких перекладывается на социальные службы, при этом фактически мы редуцируем сферу нравственных взаимоотношений. Государство как бы снимает с нас нравственную ответственность за наших близких, и, соответственно, упраздняет моральные претензии к нам со стороны наших близких людей. Это первое.

Но его волновало большее. Его волновало то, что в современной ситуации принципы вытесняются нормами. Он имел в виду, что все более и более распухающее, расширяющееся и покрывающее практически все аспекты жизни законодательство затемняет основополагающие правовые принципы, охраняющие, в том числе, и моральную автономию лица. Свои надежды и свой оптимизм он связывал с «судьями-Гераклами», способными в своих решениях реализовывать эти принципы.

Попробую показать эту проблему на примере реализации идеи прав человека. Объединение нормативизма и естественно-правовой доктрины, за которое многие юристы теперь ратуют, мне представляется сомнительным и даже опасным, поскольку права человека могут превращаться в политическую дубинку.

Иногда приходится встречаться с утверждением, что Кант отстаивал некоторый набор прав человека. С этим трудно согласиться. Он отстаивал принцип свободы, а именно, тот принцип, что свобода есть форма бытия человека, как духовного существа, а все права — это тезисы по бесконечному основанию его свободы. Так вот, когда нормативизм рассматривает права человека как некий набор конкретных и рядоположных прав, он редуцирует принцип свободы до простого набора прав. Но такое понимание прав человека, с одной стороны, затемняет понимание принципа права и свободы как источника права. Когда Чичерин говорит, что «источник права есть свобода», то он имеет в виду именно кантовскую постановку принципа права, а не учение об источниках права, как оно представлено в современной ему юриспруденции. С другой стороны, такая трактовка дает государству очень широкое право усмотрения и право принуждения.

В этой связи хочу отметить одну проблему, о которой Гадис Абдуллаевич говорил на прошлом круглом столе, что в современной системе правовые нормы быстро превращаются в политическое действие. Это хорошо видно на примере тех социо-культурных изменений, которые касаются семьи, воспитания, семейного общения. Мне довелось общаться с нашими гражданами, проживающими в Финляндии, и они приводили примеры того, как органы опеки бесцеремонно и на вполне легальной основе вмешивались в дела семьи. У ребенка в школе увидели нательный крестик и уже органы опеки требуют от родителей

не навязывать ему свою религиозную идентичность. В противном случае ребенка изымут из семьи. Еще более жестко контролируются вопросы воспитания половой идентичности у ребенка. Упаси Боже, органы опеки заподозрят навязывание ребенку «гендерной идентичности». Нет мальчиков и девочек, а есть дети; папа и мама — это анахронизм.

Эта тенденция присутствует не только на севере Европы. Под флагом защиты прав ребенка происходит разрушение непосредственных нравственных отношений, на которых основана семья. Именно эти отношения живых нравственных личностей начинают препарироваться с точки зрения формальной нормы, для которой родители — это не родители, а опекуны. Если социальные службы приходят к выводу, что по их мнению интересы ребенка в чем-то ущемлены или реализуются в недостаточном объеме ребенку подбираются другие опекуны. Нет, пожалуй, большей угрозы, чем превращение живых нравственных отношений близких людей в отношения юридических масок. Но государство иначе действовать просто не умеет и не может. Я, естественно, не говорю здесь о домашнем насилии или каком-то криминале, речь идет об обычной семье.

Тенденция, которая так обеспокоила Дворкина, это не только феномен так называемого Запада. У нас в стране мы также видим эту тенденцию к унификации жизни, к тому, чтобы описывать и разрешать все вопросы и споры только и исключительно с помощью права, чтобы все сферы человеческой жизни подчинить одной форме нормативности — праву. В стране со столь разнообразным населением такая правовая унификация может показаться благом. Но это не так: чем шире применение права, тем уже сфера действия других элементов нормативности, а дисбаланс еще никогда не был благом ни в экологии, ни в общественной жизни.

Задачи философии права не ограничиваются разработкой неких общих вопросов права, методологии его исследования. Философия всегда выполняла и критическую функцию, она «разлагала» разного рода очевидности, на которых строились не только теории, но политическая практика, делала их неочевидными, тем самым подрывая их. Неслучайно, закрывая философский факультет в Московском университете, министр народного просвещения Ширинский-Шахматов сказал, что польза от философии не доказана, а вот вред возможен.

Понимание того, что внутренняя свобода является основой личности, ее нравственности и без нее совершенно невозможно существование ни правовых норм, ни самих субъектов права, побуждает меня вступить за то, чтобы включить данную проблематику в сферу предмета философии права. Спасибо большое!

Лапаева Валентина Викторовна

Лапаева В.В.: Я хотела бы прокомментировать предыдущее выступление и обратить внимание на то обстоятельство, что затронутая Сергеем Львовичем проблема внутренней свободы выходит за рамки правовой проблематики. Ведь свобода такого рода — это сфера моральной ответственности человека перед самим собой, а право (в отличие от морали) имеет дело с внешней свободой человека в его взаимодействии с другими людьми. Думаю, что в нашем сегодняшнем разговоре нам следует сосредоточиться на правовой свободе. И здесь одним из предметов обсуждения могла бы стать другая поставленная Сергеем Львовичем проблема, связанная с определением пределов правового вторжения в сферу семейных отношений.

Философский анализ этой проблемы представляется особенно интересным, поскольку право и семья — это такие социальные институты, которые имеют принципиально разную природу. Право — это сфера формальных, безразличных отношений, где люди выступают как равные друг другу абстрактные лица. А семья — это «территория любви», которая не терпит безразличия и не знает равенства. В подмеченной Сергеем Львовичем тенденции к подмене семьи институтом опекунов проявляется наступление на природу семьи как сферы живых, неформальных отношений, основанных на любви между детьми и их родителями. Очевидно, что такая подмена семьи опекуном ведет к разрушению этого важнейшего социального института.

Но чтобы спорить по этому поводу с Европой (а тут есть о чем поспорить), надо говорить с позиции права. Надо не критиковать принцип универсальности прав человека, а предлагать такое понимание права, которое не предполагает вторжения в те сферы отношений, которые по природе своей не могут быть основаны на равенстве сторон.

Керимов Александр Джангирович

Степин В.С.: Я разделяю идею, высказанную в выступлениях Г.А. Гаджиева и С.Л. Чижкова, что правовые нормы при всей их важности не могут заменить собой все другие формы регуляции человеческого поведения и деятельности. Проблема состоит во взаимодействии этих форм. Это относится и к правовому регулированию семьи и правам ребенка.

Ребенок становится объектом правового регулирования с его рождения, но при этом его правовой статус меняется по мере его развития от младенчества до совершеннолетия. Формирование ребенка как личности и внутренняя свобода личности являются результатом длительного процесса социализации. Сразу после рождения ребенок только биологическое существо. Но у него есть предрасположенность к усвоению языка, норм поведения, обычаев, традиций той культурной среды, в которую он погружен. Если пропущен ранний период социализации, то это приводит к необратимым последствиям в формировании человеческой психики. Известные примеры Камалы и Амалы — индийских детей, которые были похищены волками и воспитывались в животном стаде, свидетельствовали, что, вернувшись в человеческую среду, они не смогли полноценно усвоить язык и нормы общественного поведения.

Первичная социализация, в ходе которой развивается психика ребенка, протекает в семье. Причем вначале с младенческих лет решающую роль играет материнское воспитание. Влияние отца возрастает по мере перехода к подростковому возрасту. Ребенок усваивает социальные нормы не столько через их вербальное разъяснение, сколько через образцы поведения и, прежде всего, родителей.

В ходе воспитания происходит сложнейший процесс ограничения действия биологических инстинктов со стороны социокультурных образцов и норм. Инстинкты не отменяются культурой. Но их проявление регламентируется. Биологическое сопротивление организма этому процессу, которое проявляется и в детском, и в подростковом, и в юношеском возрасте подавляется путем наказаний.

Права ребенка предполагают регламентацию таких наказаний. Они исключают жестокость по отношению к детям. Но интерпретация, что является жестокостью, а что не является, обычно принадлежит органам опеки, которые могут изымать ребенка из семьи и перемещать его в другие семьи. Все это нуждается в особом социальном контроле, поскольку все эти акции могут приводить к непоправимому ущербу в нравственном воспитании детей.

Семейное воспитание в раннем детском возрасте закладывает основы нравственного поведения будущей личности. Последующее расширение круга воспитательных процессов — детсад, школа, общение со сверстниками и взрослыми, определяет развитие сознания ребенка, подростка и юноши в этих процессах, в том числе и осмысление, переживание себя как особой личности. Все это, в конечном счете, призвано перевести транслируемый в культуре «нравственный закон вне нас» в «нравственный закон внутри нас». Внутренняя свобода личности всегда включает множество нравственных самоограничений, и только так она реализуется в различных жизненных ситуациях.

Керимов А.Д.: Спасибо, Сергей Львович! Позвольте начать с короткого комментария. Вы в вашем весьма интересном выступлении сделали одно очень важное заявление, а именно, что право в современном мире всё больше и больше вытесняет другие нормативно-регулятивные системы, тем самым постепенно узурпируя всё пространство человеческой жизни. И в самом деле, такая тенденция наблюдается, и она, как вы совершенно справедливо заметили, крайне опасна. Но это, на мой взгляд, характерно исключительно для западного мира, для, если можно так выразиться, мира либерального. Притом лишь для его части. Это совершенно нехарактерно для мусульманского мира, несвойственно и нам, русскому миру, где возрождается православие. Предполагаю, что подобная тенденция малохарактерна, например, для Индии и многих других стран и регионов. Мне кажется, что вы абсолютно правы в отношении стран северо-атлантического региона. Но это далеко не весь земной шар. Хотя, к сожалению, на настоящий момент очевидно, что это наиболее влиятельная в финансово-экономическом, политическом и военном аспектах его часть.

Поскольку вы, Гадис Абдуллаевич, затронули проблему прав человека и поскольку здесь присутствуют представители Конституционного суда РФ (а это важнейший орган любого государства, призванный, помимо прочего, защищать права и свободы человека и гражданина), то я хотел бы в своём небольшом выступлении затронуть именно эту проблематику. Дело в том, что я принадлежу к тем правоведам, которые достаточно критически относятся к нашей ныне действующей Конституции, принятой в 1993 г. И отнюдь не только по неким формально-юридическим основаниям, хотя их, в общем-то, тоже предостаточно, но скорее по основаниям, скажем так, сущностно-мировоззренческим.

Как всем хорошо известно, Основной закон России был инспирирован и написан людьми либеральных воззрений, очень близких к западному истеблишменту, особенно американскому. И это чувствуется. Многие статьи, положения Конституции буквально пронизаны либеральной идеологией, её духом. Вот, в частности, пример, касающийся прав человека. Статья 2 Конституции, я напомним, звучит следующим образом: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Со второй частью приведённой статьи, по-моему, проблем не возникает: мало найдётся тех, кого не устраивает заключённое в ней требование к государству. Но обоснованность и разумность первой части, устанавливающей, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», вызывает определённые и достаточно большие сомнения. Во-первых, оно, я полагаю, в значительной мере неприемлемо, пожалуй, для большинства населения нашей страны — прежде всего, для всех верующих. К тому же не только православных. Ни одно вероучение не рассматривает человека, тем более его права и свободы, в качестве высшей ценности. Кроме того, люди секулярного сознания, скажем так, даже атеистически настроенные — они тоже не приемлют в большинстве своём подобную концепцию, поскольку для многих из них существует немало куда более значимых ценностей надличностного уровня. Вера, Родина, любовь, дружба, долг, и прочее, и прочее.

Второе, что обращает на себя внимание, это то, о чём уже говорил академик В.С. Степин, ведь история с Маугли есть полнейшая мистификация. Человека вне общества не существует. Если человеческий детеныш какое-то время, даже относительно непродолжительный период своей жизни, провел в животной среде, среди диких зверей, впоследствии, и это отлично знают все физиологи, медики, антропологи, психологи, представители других отраслей научного знания, его совершенно невозможно социализировать. Значит,

Степин Вячеслав Семенович

в сознании, в мозгу происходят некие существенные и настолько необратимые изменения, что этот человек никогда не возвращается в социум и не становится полноценным его членом. Следовательно, человек существует только в обществе. Человек в отрыве от общества — это вообще не человек. Посему содержащееся в рассматриваемой статье Конституции положение методологически некорректно. Вольно или невольно в нём человек как бы отрывается от социума.

И наконец, последнее, по-видимому, самое главное. Возникает вполне закономерный вопрос: а почему, собственно, для меня, как для индивида, права и свободы единичной личности должны быть важнее, первостепеннее, значимее, чем права и свободы социума и (или) государства? Скорее для меня, напротив, права социума существенней. [Реплика из зала: «Так и Аристотель говорил...»]. Кстати, об этом. Не только Аристотель, но и вся взятая в целом античная философия, конечно же, исходила из того, что целое гораздо важнее, чем составляющие его части, и, соответственно, индивиды, личности, персоны менее значимы, чем государство. Аналогичной точки зрения, насколько я знаю, придерживались почти все представители немецкой классической философии. Гегель, например, совершенно очевидно. Вся марксистская, да и в значительной степени не только марксистская традиция социалистической мысли тоже исходит из первостепенности именно социума.

Таким образом, анализируемая конституционная статья, с моей точки зрения, неприемлема. Я полагаю, что когда речь идёт о политико-право-

Графский Владимир Георгиевич

вой сфере, т.е. сфере динамичной, насыщенной разнообразными событиями, вбирающей в себя множество различных организационных структур и институтов, чутко реагирующей даже на незначительные изменения во всех других областях общественного бытия и т.п., не следует стремиться окончательно, однозначно и безапелляционно решать на законодательном уровне вопрос, кто, условно говоря, важнее государство или гражданин и чьи интересы, социума или личности необходимо обеспечивать в первую очередь. Гораздо разумнее встать на путь поиска «золотой середины», другими словами, попытаться максимально сочетать и наиболее полно обеспечить интересы и государства, и отдельного индивида. Как писал В.С. Соловьев: «Сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага». Вот этим, по-моему, мы, юристы, и должны руководствоваться как в правоприменительной практике, так и при написании тех или иных документов, в первую очередь законодательных актов. Спасибо за внимание!

Лапаева В.В.: Тезис о том, у человека есть более важные ценности, чем право, конечно, верен. Однако по смыслу ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, вовсе не для самого человека, а для государства, обязанность которого, согласно данной статье, заключается в защите этих прав.

Графский В.Г.: При этом остается все-таки то, на что обратил внимание Александр Джангирович, — определенная коллизия между потребностями в виде прав человека и прав народа. В традиционалистских культурах права народа всегда выше прав человека. В западной культурной традиции наоборот. И как их признавать или сочетать на практике — это всегда проблема. И она остается даже при этой формулировке, что вы сказали.

Мне очень понравилось выступление Гадиса Абдуллаевича, где были обозначены и затем удачно проиллюстрированы две темы. Первая проблемная тема, которая, я полагаю, никого не оставила равнодушным, — это очевидная и для юриста, и для философа задача трудиться так, чтобы «выращивать справедливость». Мне эта образность по душе пришлась. И казалось, что все участники дискуссии сразу станут неравнодушными и, уподобляясь садовнику, начнут что-то предлагать, например, как выращивать эту юридическую справедливость, какое удобрение сыпать, какие сезоны отлаживать и прочее, и прочее. Действительно, почему бы наш традиционный и чуть ли не повседневный исследовательский труд не уподобить труду земледельца по затраченным энергии или времени?! Вторая тема — о масках. Примерно лет сорок назад я рецензировал для издательства англоязычную книгу юриста-антрополога о профессиональной юридической деятельности под названием «Лица и маски». Вот, что я усвоил из этой книги (и, кстати, из выступления Гадиса Абдуллаевича тоже), — надо так или иначе признавать, что в так называемом правовом общении мы пребываем только какой-то нашей частичкой. Достаточно вспомнить, кого и как (в какой ипостаси) мы изображаем в процессе правового общения, когда выступаем в роли той или иной юридической персоны. Кстати, футболисты на футбольном поле изображают уже какую-то другую нашу человеческую ипостась. Футболист во время игры надевает и носит одну маску, а придя домой, легко становится совершенно другим участником общения. Вот почему в наших обсуждениях самых разнообразных вариантов правового общения эта наша особенность с ношением ролевой маски юридической персоны должна учитываться во всей своей самобытности, адекватности и, при всем при этом, вполне определенной частичности, если сравнивать эпизодическую роль в качестве юридической персоны со множеством иных, более постоянных и традиционных социальных ролей, личностных ориентаций и действий.

Существует и другая проблема, которая тоже остается недостаточно объясненной и не очень часто обсуждаемой. Конечно, в присутствии философов, которые уже написали много книг по философии права, рискованно утверждать, что наша философия права все еще пребывает в некоем, что называется, переходном состоянии. В.Д. Зорькин сходным образом констатирует по другому поводу, что и конституционализм наш, и судебная система — все они пребывают в переходном состоянии. Конечно, формулы можно и другие употреблять в отношении сложившейся ситуации. Но факт остается фактом — до сих пор философии права нет такой книги, которая была бы памятным событием. Даже те хорошие книги,

что недавно появились на Украине и нам знакомы, не причислены пока к разряду памятных и повсюду обсуждаемых. Талантливые люди, как известно, полностью не переводятся, но книга-событие по философии все еще ожидает своего автора.

Сегодня я впервые увидел книгу по философии права глубокоуважаемого мной В.М. Розина, в которой меня привлекла одна потрясающая меня тема — о связи нормативности и социальной реальности. Нормативность, как оказывается, существует разная и меняющаяся. И сколько же этих сосуществующих и соперничающих нормативных систем! В конечном итоге их множественность все же не препятствует праву существовать и функционировать вполне результативно. Социальная реальность удачно представлена в двух классификационных разновидностях: традиционной и нарождающейся. Правда, обсуждению этой фундаментальной и благотворной в познавательном отношении темы отводится всего с пяток страниц. Если бы этой теме была посвящена вся книга, то цены бы ей не было, ее заметили бы во всем мире. Извините, я слегка преувеличиваю, но так бывает, иной раз лучше немного преувеличить.

Теперь вот такая тема, которая, как мне кажется, нами вообще не обсуждается. Я уже говорил, что в настоящее время мы переживаем переходный период. Считаю необходимым обратить внимание на сегодняшнее повсеместное всевластие олигархии, которая контролирует и предопределяет социально-политические процессы во всем мире. Эти процессы делаются все более явственными, определенными для судеб мира, что свидетельствует о появлении олигархически оснащенного вечного двигателя мировой истории. Какого-то механизма по изменению этой исторической ситуации в наличествующем социологическом воображении пока не возникает. Более популярными делаются выводы о бесперспективности обсуждения столь масштабных процессов, которые именуются закономерностями исторического развития, или плодятся во множестве констатации и обобщения об отсутствии сколько-нибудь продуманной и разумно-целесообразной политики в деятельности тех учреждений, которые считаются в общем мнении политическими, социально-политическими и т.д.

Чижков С.Л.: Я сошлюсь только на книгу, которая мне нравится. Вряд ли у нас появится новая метафизика нравов в этом смысле, но есть книги, которые интересно читать и интересно обдумывать. Вот, в частности, книга вашего коллеги Мальцева «Нравственные основания права», очень интересная книга. Я не согласен с тем, как он разделяет мораль и нравственность, но это довольно глубокое исследование. Оно действительно интересное, во всяком случае, мне так показалось.

Бондарь Николай Семенович

Бондарь Н.С.: Выказано уже столько самых различных идей, что даже в порядке дискуссии можно было бы сделать несколько докладов по тем конкретным вопросам, которые затронуты. Но если абсолютно лаконично и обобщенно попытаться сказать, пожалуй, начну с того, что философия права для нас, юристов и, в особенности, для судей, — это не только фундаментальная наука, она имеет важное прикладное, инструментальное назначение. И если это так, сразу возникает вопрос: философия права должна двигаться в сторону практической юриспруденции или практическая юриспруденция должна двигаться в сторону философии права? Ответ на этот вопрос необходимо искать, в конечном счете, и в нашем эксперименте, когда мы за круглым столом обсуждаем актуальные проблемы философии права с участием юристов и философов, вырабатывая общий, «философско-юридический» язык общения и по фундаментальным, и по прикладным, практическим вопросам. Очевидно, что тут должно быть двухстороннее движение.

При этом я задумался еще и над тем, а можно ли как-то вычленив, обнаружить философские аспекты права, его отдельных отраслей и институтов, а также институтов публичной власти, исходя из правовых позиций Конституционного Суда? Не буду утомлять вас анализом наших решений, но считаю, что возможно. Правовые позиции Конституционного Суда нередко формулируются как, своего рода, философско-правовая методологическая основа понимания конституционных (и одновременно — философских!) категорий свободы и ответственности, справедливости и равенства, власти и демократии и т.д. И это уже, кстати, не только философия права, но и философия власти, в том числе с точки зрения фундаментальных конституционных проблем соотношения экономической и политической

власти, разделения властей, демократизации и централизации, соотношения национальной и наднациональной систем организации судебной власти и т.д. Если будет возможность, хотя бы в порядке прений, попытаюсь это прокомментировать на конкретных примерах решений Конституционного Суда. Это, во-первых, является продолжением поставленных в выступлениях проблем. Во-вторых, что касается прав человека — темы, которая всех затронула, в том числе в выступлении Сергея Львовича, то мое видение этой проблемы в ее укрупненном варианте заставляет задуматься, действительно ли мы являемся свидетелями некоего линейного, одномерного процесса правовой глобализации, в частности, на основе универсализации прав человека? Имею в виду тот факт, что именно права человека представляются чаще всего главным инструментом правовой глобализации. А может, есть основания говорить о том, что в настоящее время не в меньшей степени происходит правовая партикуляризация, правовой сепаратизм или, мягче выражаясь, правовая суверенизация?

И вот в этом плане, что у нас сегодня имеет место быть? Права человека и юрисдикционные системы их защиты сформированы на основе ярко выраженных региональных, а также религиозных и иных, отнюдь, не глобализационных начал. Это:

- европейская нормативная система и соответствующая ей юрисдикционная система защиты прав человека (ЕСПЧ);
- африканская система прав человека и народов, которая специфична уже тем, что права народа — коллективной личности — ставятся на один уровень с индивидуальными правами, признается их равнозначимая ценность; и эта система тоже имеет свой юрисдикционно-контрольный орган;
- латино-американская система, также объединяющая права человека и народов и обеспечиваемая деятельностью Межамериканского суда по правам человека и народов;
- исламская нормативная система прав человека, основанная на доминирующем религиозном принципе.

В настоящее время происходит дальнейшая дифференциация этих систем. Сейчас, например, и Азия готовит свою нормативную и юрисдикционную систему защиты прав человека. Речь идет, в частности, о подписанной в 2012 г. Азиатской декларации прав человека, которая, как предполагается, будет служить основой формирования Азиатского суда по правам человека. Россия, в общем, не исключает для себя возможности участия в этом конвенционно-юрисдикционном механизме (наряду с ЕСПЧ).

Следовательно, сегодня, с одной стороны, есть, конечно, основания для того, чтобы рассматривать права человека как инструмент правовой глобализации. Но, с другой стороны, поскольку сама глобализация — процесс неоднозначный, противоречивый, сопряжен с противоположными тенденциями автономизации национально-правовых культур, будет верным и тот вывод, что через права человека сейчас в большей степени, как мне кажется, происходит партикуляризация, регионализация, суверенизация национальных правовых систем, вплоть до сепаратизма — в наиболее радикальных формах проявления этих тенденций. И это вполне объяснимо, поскольку права человека существуют в культурно-социальном, религиозном контексте, могут служить его выражением. Поэтому и нормативные модели прав человека, в том числе по религиозному принципу, выстраиваются. Все эти процессы самым непосредственным образом связаны, естественно, и с философско-мировоззренческими началами государственно-правовых систем современных государств.

Я не имею, к сожалению, возможности поразмышлять по этому поводу подробнее.

И третий момент, если уж затрагивать все основные направления дискуссии, прозвучавшие в докладах. Александр Джангирович высказал интересную мысль, касающуюся в конечном счете философского методологического подхода, которая сводится к тому, что «целое важнее, чем часть». Это важная идея известной философской школы холизма. Она действительно сейчас, как мне кажется (может быть, философы поправят меня), переживает ренессанс; на смену механицизму, редукционализму приходит холизм, т.е. философия целого, единого. Но я надеюсь не ошибусь, если попытаюсь процитировать Аристотеля, который в своей *Метафизике* сказал буквально так: «Целое не важнее, чем сумма частей. Целое — больше, чем сумма частей». А что значит «целое больше, чем сумма частей»? Это уже выход не на арифметику, не на суммирование, а, как минимум, на высшую математику, а может и на геометрию Лобачевского. И через геометрию, а не арифметику, может, надо понимать и вторую статью Конституции, где человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью. Но я об этом говорю не как судья Конституционного Суда и не как конституционалист, а как несостоявшийся математик (мне прочили в свое время эту карьеру). И в этом плане — здесь я как раз абсолютно согласен, что ориентиры в отношении понимания прав человека следует искать в рамках философии права и, особенно, философии власти. Наш национально-специфический подход к организации и осуществлению публичной власти, ее взаимоотношений с личностью и обществом должен, вероятно, осмысливаться

во многом с позиций холистического правосознания, с позиций стремления к целостности, единству, что имеет своим продолжением централизацию, универсализацию и т.д. И вот это стремление к целостности, единству — один из важных аспектов философии публичной власти, что выходит, между прочим, и на уровень конституционного правосудия, правовых позиций Конституционного Суда. Я думаю и мои коллеги Гадис Абдуллаевич, Сергей Михайлович с этим согласятся. И это не есть негатив; об этом можно говорить как об элементе социокультурных характеристик, которые должны учитываться в решениях Конституционного Суда. Как они проявляются? Яркие примеры этого можно привести в связи с анализом существенных, нормативных характеристик России как федеративного государства. Не вдаваясь в оценки того, как это решается применительно к тем или иным конкретным вопросам, можно утверждать вполне определенно, что ключевой проблемой здесь является поиск баланса между интересами федеральной публичной власти (целое) и региональной публичной власти (части), который найти не так просто. И если руководствоваться чисто холистическим правосознанием, понятно в каких интересах чаще всего будут решаться эти вопросы. Причем такого рода вопросы имеют значение и на более низких территориальных уровнях, вплоть до муниципальной власти. Напомню, в прошлом году, когда мы здесь обсуждали проблемы философии права, я приводил как раз свежий пример — постановление Конституционного Суда от 1 декабря 2015 г. о муниципальной реформе. Это переход на особую систему выборов (а, в общем-то, не совсем выборов мэров городов, городских округов, и некоторые другие моменты реформы). Думаю, нет сомнений, что в основе этой реформы проявилось как раз холистическое правосознание, которое нашло свое выражение — не даю оценку хорошо это или плохо — и через те решения, которые имеют более высокую юридическую силу, чем закон, хотя они законом не являются, имею в виду и само решение Конституционного Суда.

В свете философии холизма возникают и другие вопросы, в том числе связанные с соотношением индивидуального и коллективного в правах человека, с выходом на понимание того, что в правах человека есть не только индивидуальное, но и коллективное.

Вероятно, с этих позиций необходимо решать и проблему, связанную с тем, много у нас или мало правового нормирования. Это последний вопрос, на котором вкратце остановлюсь. Вы скажу, может быть, отчасти парадоксальную мысль, с которой, возможно, не все согласятся: права много не бывает, но нередко бывает слишком много законов. Достаточно вспомнить Платона, который говорил, что «в наиболее испорченном

Баренбойм Петр Давидович

государстве наибольшее количество законов». И парадокс, вытекающий из этого, заключается в том, что может возникать ситуация (я не утверждаю, что мы находимся в ней), когда существует дефицит права в условиях профицита законов. И вот этот дефицит права в условиях профицита законов — одно из, может быть, глубинных проявлений государственно-правового кризиса, в том числе кризиса конституционализма. А может быть, с позволения сказать в присутствии философов, — и кризиса современной философии права. Спасибо!

Баренбойм П.Д.: Я присоединяюсь к каждому слову, которое произнес Николай Семенович, он сильно облегчил мою задачу. Это как раз хорошо, я успею сказать то, что я думаю, без экивоков. А вообще, до последнего времени у меня складывалось такое впечатление, что у нас ситуация, чуть-чуть напоминающая, как в одной музыкальной комедии, извините за сравнение, когда произносят слова «философия права» — философы думают, что это к юристам и не приходят, а юристы думают, что это к философам, и в итоге не приходит никто. И вот, благодаря настойчивости Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, который у нас является центральной фигурой в этом стремлении объединить философов и юристов для нахождения какого-то общего языка, эта встреча внушает мне больший оптимизм, чем было до этого. Так как представляется, что некую косность, которую мы унаследовали от советского сознания, я говорю о юристах в первую очередь, мы, наверное, в этом поколении не преодолеем.

Но я хотел бы повторить то, что сказал на нашей предыдущей встрече примерно год назад о судьях Конституционного Суда. Говоря о романтике как о направлении философии права и о том, что они либо последние романтики

уходящего времени или первые романтики наступающего времени или и то, и другое вместе, надо употреблять иногда красивые слова. Вот у нас госпожа Лапаева сказала: «Что вы про семью, право, еще что-то... Это — любовь. Семья — это любовь». Вот Конституция России, я считаю, — счастье. Она совершенно случайно прорвалась в 1993 г., даже не знаю, как это могло случиться, историки об этом когда-то напишут. Да, у нее, конечно, много недостатков, у любой конституции много недостатков. Мой учитель, профессор А.А. Мишин, когда преподавал в США (а, как правило, студенты-юристы свою конституцию не читают; о чем он хорошо знал на примере наших студентов), у него всегда в кармане была Конституция США, благо, она тоненькая брошюрка. И он говорил: «У нас Конституция СССР гарантирует права на отдых, на труд и так далее, а у вас в Конституции США ничего этого нет». И кто-то из студентов обязательно возражал. И он говорил ему: «Иди сюда». Доставал Конституцию США и говорил: «Найди право на труд». Тот, конечно, ничего не находил.

В каждой конституции есть недостатки. Но нам очень повезло, что принята Конституция России и водопад духовных, философских, правовых ценностей через это, в общем, небольшое отверстие обрушился на Россию и уже заполнил достаточно пространства. Уже не засушишь.

И мне все равно кажется, общая тема для философов и юристов, которая важна и практически, и теоретически, — это философское и юридическое осмысление российской конституции. Ни там, ни здесь мы далеко не продвинулись. Просто времени мало прошло. Это Конституции США больше двухсот лет, они успели много поработать и все равно находятся в середине процесса, как они сами считают. А у нас — всего ничего, чуть больше двух десятков лет. Поэтому Конституция крайне важна для юристов-практиков и юристов-теоретиков, само собой. Юристы-теоретики должны любую область права, раз у нас конституция прямого действия, осмысливать интенсивно через призму конституционализма. А для юристов-практиков это важно именно потому, что конституция прямого действия, работает Конституционный Суд и, при всем своем романтизме, так дает порой по голове нашей косной постсоветской юридической, судейской, прокурорской и прочей общественности, что им приходится считаться с конституционными принципами.

Я коротко выступлю, поэтому позволю себе сильные выражения. Когда-то философам советовали просто прочитать текст Конституции России, потому что они про нее, конечно, слышали, но неплохо было бы и прочитать, а, прочитав, попытались бы ее осмыслить. Ведь что такое Конституция России? Это правовое государство, в

ней записаны эти два слова. И через эти два слова к нам в философию права зримо приходит Иммануил Кант и необходимость осмысления его конституционно-правовых идей. Поэтому мне кажется, что ближайшее развитие философии права в первую очередь возможно и эффективно (ничего страшного, что я это слово употребляю, оно не экономическое в данном случае, ближе к справедливости) пошло бы через философско-правовое осмысление конституции. Здесь возможность сесть рядом и говорить предметно у философов и у юристов сразу появится.

И еще одно. В 1995 г. я был в Польском посольстве, куда приехал новый посол и пригласил Жванецкого. Я сидел там во втором ряду, хорошо видел, как польский посол, обращаясь к Жванецкому, сказал: «Какое счастье, что вы к нам пришли, мы вас так любим». И дает ему огромный букет цветов. А тот стоит, и — я это хорошо вижу — у него смятение на лице. Он берет эти цветы, слушает эту речь, смятение только усиливается. Потом он должен сказать ответное слово. Он еще помолчал и сказал: «Знаете, я, вот знаю, что этого нельзя говорить, но я все-таки скажу. Если мы снова с Польшей, значит дела наши плохи».

Я знаю, что нельзя этого говорить, но все-таки скажу: российская философия права всегда носила несколько вторичный характер по отношению к мировой мысли. Конечно, хорошо ссылаться на Серебряный век, который в русской литературе, например, создал необыкновенно оригинальные, огромные пласты, и до сих пор весь мир Чехова ставит. Но философия права, если признать правду, она была, ну кроме, наверное, Петражицкого, провинциальна, вторична и повторяла, в первую очередь, за немцами то, что те написали. Нам надо развивать философию права, не оглядываясь на Серебряный век, а глядя в Россию и в мир, понимая и надеясь, что мы можем миру сейчас что-то такое сказать, что мир еще не знает. Преодоление этого провинциализма философии и даст новые толчки к ее развитию. У нас развитие философии права должно быть событийным и таким, чтобы, как мы любим, весь мир содрогнулся. Мы должны разрабатывать мировые темы. Нам в виде Конституции современной дан подарок, когда мы можем работать с Кантом предметно, другие государства могут позавидовать, даже немцы. Потому что наша Конституция и обсуждение в связи с этим идеи Канта могут иметь, как минимум, общеевропейское континентальное значение. Конституционализм Канта — это новое явление, как мне кажется, не только для наших философов, но и вообще для философов мира. Эти аспекты в философии Канта не так часто или вообще не выделялись. Такие наши исследования имеют общемировое значение. Поэтому, затронув эту общемировую проблему, мы сразу поднимем индекс цитируемости, перевода на другие языки.

Розин В.М.: Я согласен, сейчас складывается новый интерес к философии права, с чего я хочу начать.

Я хотел бы отметить, что нужны не отдельно философы и не отдельно юристы, а своего рода билингвы. Когда меня пригласили в эту сферу, речь шла о суде присяжных, и тогда это создавалось в правовом управлении при Президенте, то я пять лет потратил на то, чтобы нормально освоить юридический предмет. Читал историков права и прочее. Через пять лет я решил, что я уже могу кое-что говорить и писать по теме. Другими словами, нужны такие специалисты, которые бы были философами и в то же время знали предмет права достаточно твердо. Это первое.

Второе, мне кажется, что речь идет не просто об осмыслении философского права, а речь идет о таком осмыслении, которое признает глубокий кризис права и совершенно новую ситуацию, с которой мы имеем дело. Я думаю, что это очень важно, потому что философское знание часто трактуется как абстрактное, созерцательное. Ничего подобного, оно ценностно прагматическое, мне кажется, что именно эта установка должна стоять в центре. Проблема кризиса права — современная, совершенно новая ситуация, она предполагает также обсуждение возможных путей выхода из этого кризиса.

Теперь третий момент, если говорить о России, тогда естественно возникает вопрос, а в чем причина такого кризиса права? Для полемики я хочу начать с вещи, которая, возможно, вызовет протест. Существует точка зрения, что есть правовые культуры и неправовые культуры. Вот, например, Китай и Россия — это неправовые культуры. Есть такая интересная статья академика Заславской и Шабановой. Они показывают, опираясь на большой круг социологических исследований, что у нас около 70% конфликтов решаются неправовым способом, всякими другими способами, кроме правовых, — это раз. И второе, первый, кто нарушает права, — это власть. В этом смысле, конечно, очень важный вопрос, что действительно собой представляет российская культура, каким способом реально решаются конфликты и проблемы в рамках нашей культуры.

И в связи с этим тоже важная тема, довольно широко обсуждаемая в литературе, — насколько право реально работает и насколько оно только имитируется. В нашей стране, когда мы имеем дело с законом и судом, речь идет, по сути, об имитации. Можно указать на еще один аспект проблемы. Очень часто, особенно на «Эхо Москвы», утверждают, что у нас нет независимости суда от властей. И действительно, вроде бы нет. Но вспомним, как право формировалось, очень интересный момент. Аристотель сначала пытался дать решение в этической плоскости. Он говорил, что ценятся справедливые судьи, ко-

Розин Вадим Маркович

торые должны установить «середину между выгодой и ущербом». Но как объективно нащупать эту середину? И тогда в Риме, где право впервые складывается, над судьей поставили претора, поставили власть, которая должна была следить за тем, чтобы все находилось в равных условиях. Но только я бы хотел обратить внимание, что в Риме того времени власть серьезно зависела от общества. Общество эту власть ставило, оно ее меняло, довольно часто происходила ротация. А у нас получилось наоборот. Об этом, в том числе, замечательная книга Зигмунта Баумана «Актуальность холокоста», в которой он показывает, что сформировалось изобретательное государство, которое поставило под свой контроль и общество, и личность. Когда мы имеем дело с такой ситуацией, то у нас отношения переворачиваются и действительно возникает довольно сложная проблема.

Еще один момент, я его затрагиваю немного в вышедшей книге «Философия права», — все время расширяется область прав, которые не обеспечены государством. Вот, например, возьмем права человека. Ну, кажется, замечательно, они в центре стоят. Но большинство прав человека невозможно обеспечить. И если право вот в таком виде начинает существовать, то оно становится скорее деструктивным элементом в культуре, а не тем, что обеспечивает разрешение проблем.

Мы действительно затронули тут очень интересную тему насчет социальной справедливости. Я с вами согласен, что ни в коем случае нельзя заменять представление о справедливости представлением об экономической эффективности. На мой взгляд, должно быть обсуждение этого вопроса в конкретных реальных ситуациях и в реальных трендах, которые сейчас сложились.

Я люблю разбирать один пример. Все больше происходит перераспределение национального продукта от работающих к неработающим или частично работающим. Вспоминаем социализм, тогда говорили: «Кто не работает, тот не ест». Сейчас совсем другая ситуация, хочешь — работай, не хочешь — не работай. Кроме того есть беженцы, безработные, люди, которые неконкурентоспособны. Правозащитники хором говорят, что с точки зрения прав человека каждый человек должен иметь достойный уровень существования, это его право. И соответственно тогда имеет место разворачивание мощного механизма перераспределения средств. Вот в Америке даже было целое движение, во главе его стоял Сол Алинский, реформатор, социалист. Он ставил основной задачей справедливое распределение национального продукта, чтобы обеспечить негров, безработных и т.д. Кстати, это движение поставило своей целью привести к власти своего президента, и привело, — Обама вышел из этих кругов. Так вот, смотрите, относительно этого тренда существует два совершенно противоположных взгляда. Бывший премьер-министр Кэмерон говорит: «Что это такое, молодые люди шастают по Европе в поисках пособий, это безобразия. Если человек приехал, он должен определиться, хочет ли он здесь постоянно жить или только временно, или приехал заработать и так далее, причем государство должно создавать для этих разных ситуаций соответствующие условия. А если человек просто приехал за пособиями, то мы таким должны ставить преграду». Или наша комментатор на «Эхо Москвы» Юлия Латынина говорит: «Это же безобразие, происходит разворачивание населения, например, в Палестине, там уже миллионы людей и даже не одно поколение живут только за счет помощи ООН, причем живут неплохо». Она говорит: «Это несправедливо, кроме того организации ООН очень заинтересованы в том, чтобы эта помощь была непрерывной и расширялась, потому что они на этом тоже ловят свой профит».

Две совершенно разные оценки. Одна точка зрения, чтобы обеспечить права человека, достойный уровень существования, этот тренд должен поддерживаться, расширяться, и в скором времени только так и может быть со всеми остальными. А то, что вообще миллионы людей могут не работать или частично работать, — это их дело. И вторая точка зрения, что это совершенно никуда не годится по своим последствиям. Такая вот конкретная ситуация в плане размышления, связанная с философией права и с конституционными принципами. Действительно, что здесь справедливо и что несправедливо? Это очень непростая проблема, которая определяет один из важных мировых трендов.

Ну и еще я бы последний интересный при-

мер привел, почему право сегодня находится в кризисе? Это изобретение новых технологий. Люди изобретают все новые и новые технологии, которые позволяют действовать, не нарушая закон, и в то же время неправовым образом. Питер Друкер, патриарх менеджмента, говорит, что в Америке уже достаточно много людей пользуются десятком, двумя кредитными карточками. Они переключаются кредиты с одной карты на другую, не живут на реальные свои доходы и не собираются жить, в результате создается феномен виртуальных денег. А виртуальные деньги, которые наполнили мир, потом приводят к серьезным экономическим кризисам. И Друкер показывает, что мир заполнен виртуальными деньгами, что это новые технологии, позволяющие человеку жить не по средствам, причем, не нарушая законов.

Я привел несколько примеров к чему, к тому, что речь идет о совершенно новой ситуации, которая требует анализа социальных процессов, трендов, требует анализа поведения людей. Речь идет о том, что наша цивилизация переживает глубокий кризис не только права, но и других либерально демократических западных институтов. И мне кажется, философия права действительно обретет второе дыхание, станет событием, когда философы и юристы будут обсуждать эти темы и предлагать способы решения этих вопросов.

И последний момент, одна из тем философии права мне кажется очень важной для России — это самоограничение государства в правовом отношении. Если мы смотрим опять же на историю развития права, то в античности государство само ограничивало себя в отношении своих возможностей, властных полномочий, сознательно ставя себя под закон. Для России, как мне кажется, это тоже очень важная и актуальная вещь. Государство наше не ставит себя под закон, а наоборот обходит законы и использует их для решения каких-то своих задач. А государство должно идти на самоограничение, только тогда оно будет цивильным государством и выполнять действительно те принципы права, о которых заявило.

Таким образом, речь идет действительно о новой ситуации и о кризисе права. На мой взгляд, философия права должна разворачиваться как такая дисциплина, где философ вместе с юристом, а также философ, который одновременно хорошо знает юридический предмет, обсуждали бы эти проблемы.

Смирнов А.В.: Я не планировал выступать, поскольку я не специалист по праву, да и философия права не моя область. Но так как несколько раз звучали слова «ислам» и «культура», то у меня возникли некоторые соображения, которыми я хотел бы поделиться.

Прежде всего, в связи с тем, что говорил Гадис Абдуллаевич о картине мира. Вы говорили о юридической картине мира, но она, конечно, неотъемлемая от общей картины мира. Вопрос о внутренней свободе, поднятый С.Л. Чижевским. Далее, замечания Валентины Викторовны, очень краткие, но я бы сказал, разящие, как удар копья, прямо-таки пригвоздили несколько вопросов, я хотел бы на это также отреагировать. И то, что говорил Николай Семенович Бондарь — об универсализации и в то же время партикуляризации.

Мы говорили о том, что право погружено в культуру, что культуры разные, что картины мира могут быть разные. Вот здесь — развилка в наших рассуждениях: говорим ли мы о *содержательно* другом или же мы говорим о *логически* другом. Развилка неравноценная в том смысле, что содержательно о другом говорить гораздо легче. Его увидеть гораздо проще, оно очевиднее. Собственно, надо просто открыть глаза и увидеть. И принимается это гораздо проще, потому что это очевидно и не вызывает внутреннего протеста. А когда мы говорим о другой логике культуры, это обычно вызывает внутренний протест у того, кто слушает, потому что с какой это стати должна быть другая логика у другой культуры? Не содержание, а именно логика? Не на другой же планете, в конце концов, формировалась эта другая культура.

Вот несколько беглых зарисовок в качестве иллюстрации. Вы заметили, Гадис Абдуллаевич, что когда о ценных бумагах говорят как о «вещах», это звучит непривычно. Ведь мы исходим из того, вещь должна быть этаким осязаемым, чтобы ее можно было пощупать. Но это значит, что вещь должна быть субстанциональной. Таково принципиальное следствие привычной нам картины мира. А вот в классической арабской теоретической культуре, в разных областях теории, вещь назывались *действия*. Таково стандартное определение: вещи — это, во-первых, «действия», а во-вторых, «самости». А «самость» что такое? «Самость» — это тот, кто действует или кто подвергается воздействию. Это принято уже начиная с VIII–IX вв., при всем знакомстве арабских теоретиков с античным наследием. Вот вам картина мира — и никакой проблемы в том, что вещь-действие нельзя пощупать, наоборот, это естественно. Почему, в чем дело? А вот в чем. Мы можем, во-первых, видеть мир как собрание субстанций. В такой картине мира и человек — индивидуальный субстанционально понятый субъект. Персона, субъект права и т.д. И тогда вы осмысливаете правовые обязанности как то, чем наделяется субъект, как его атрибуты, причем права и обязанности будут дихотомичны. Но мы можем, во-вторых, видеть мир иначе, как сумму процессов, сумму действий. А в процессах всегда важны две стороны — иницилирующая и принимающая. С моей точки зрения, исламское право

Смирнов Андрей Вадимович

и исламская этика построены на этой модели. Не на модели субстанциональных индивидуальных субъектов права, а на модели связей между действующим и воспринимающим. Например, связка «человек-Бог», связка «человек-другой человек» — так выстроено исламское право: ведь эти две связки задают два главных раздела фикха — *убадат* («поклонение», связка человек-Бог) и *муамалат* («взаимодействие», связка «человек-человек»). Если мы исходим из этого, тогда мы не будем ожидать, что там мы встретим такие знакомые вещи, как требование равных условий для равных случаев, когда один и тот же случай должен решаться одинаково. Насколько я понимаю, это идеал европейского правосознания, зафиксированный еще римским правом. А исламское право никогда не было кодифицировано. Идея кодификации была выдвинута в нем в середине VIII в., но не была принята, и к ней уже не возвращались. Существовали разные школы исламского права, потом их осталось, уже в конце классической эпохи, четыре суннитских и одна шиитская — джафаритская, в Иране. Они разные, т.е. один и тот же случай может решаться по-разному в разных школах права. Но это не расценивается как проблема. Почему? Потому что не действует привычная нам идея индивидуального субъекта, который должен быть универсализирован, а значит, любой человек как экземпляр такого универсального субъекта должен быть наделен равными правами и обязанностями. Вместо нее задействована идея процессов-связок, которые должны быть запущены и должны склеивать социум. Ведь право, как и этика, регулятивная система, его задача — обеспечить жизнеспособность общества, чтобы оно не распалось, чтобы оно функционировало и двигалось к наилучшему результату — максимизации блага. Это вообще генеральная идея исламского права. Но в исла-

ме нет такой тотальной организации, как Церковь, которая как бы единой рамкой охватывает всех верующих и устанавливает тотальный контроль над ними. Как в этих условиях обеспечить единство социума? Вот право и выполняет эту важнейшую роль — не раздробляет социум на индивиды, которые рассыпались бы вообще при таком подходе. Потому что нет ничего тотального, какой-то единой рамки, которая бы их держала. А оно их организует в сеть взаимодействий. Поэтому ныне модные «сетевые парадигмы» так хорошо осваиваются исламским сознанием, которое вообще натренировано на это восприятие мира. Таким образом, если мы будем учитывать, что есть принципиальная разница в картинах мира, субстанциальной и процессуальной, тогда несоблюдение некоторых, как будто бы аксиоматичных, требований в исламском праве, не будет вызывать вопросов.

Теперь — вопрос о внутренней свободе. Об этом говорил Сергей Львович. Действительно, трудно определить внутреннюю свободу, как говорил Вячеслав Семенович. Но у меня такое наблюдение: возникновение ислама можно считать своего рода революцией. Оно и рассматривается в исламской истории как революция по сравнению с доисламским (джахилийным) состоянием. Но исламская мысль всегда говорит о революции как о новом вероучении — Коран, единобожие и т.д. На самом же деле изменение в области вероучения не было кардинальным, потому что исламская картина мира и представление о Боге как о единственном дейстителе фактически просто переформулировало и трансформировало доисламские представления. А вот подлинная революция произошла как раз в области внутренней свободы. Потому что мусульманин обязан быть внутренне свободным. Он именно *обязан*, потому что никакое действие — ни юридическое, ни культовое — не может быть осуществлено без сугубо индивидуального решения, принятого без всякого внешнего давления. Это то, что концептуализируется в понятии *ниья* «намерение». Никакое действие не является правильным без намерения. Намерение всегда сугубо индивидуально, внутренне. И оно должно приниматься мусульманином без всякого внешнего давления. Разве это нельзя осмыслить в терминах внутренней свободы? Мне кажется, можно. Именно в этом ислам категорически порывает с джахилийным сознанием, которое было основано на понятии *асабийя*, племенной спаянности, когда человек действовал только как член племени: нападал, защищал и т.п., не раздумывая, и действовал так только потому, что так действовало его племя или род. Ислам принципиально с этим порывает и вводит категорическое требование индивидуально продуманного и ответственного решения, на основе которого формируется намерение.

В этом смысле ислам сугубо индивидуалистичен, поскольку он всегда ставит акцент на сугубо индивидуальном решении.

Теперь, о чем говорила Валентина Викторовна. Я выскажу свои соображения в качестве гипотезы, потому что я не специалист в области права, это все надо согласовывать с теми, кто профессионально владеет этим предметом. Но все-таки, если исламское право действительно построено как исследование связок «действующий-претерпевающий», тогда возможно и правовое регулирование любви вот в этом смысле. Потому что любовь — это процесс, связывающий любящего и любимого. И если бы мы действительно вот так посмотрели на исламское право, то может быть мы могли бы найти какой-то путь, чтобы избежать очевидного столкновения внедряющегося в наше правовое поле шариата со светским, европейским правом. Ведь шариат и светское европейское право разнородны, они построены на разных принципах, и их невозможно примирить, как невозможно смешать воду и масло. Как же быть с тем, что шариат потихоньку внедряется? Мы закрываем на это глаза: пусть, мол, будет в каких-то ограниченных областях. А ведь этим дело не ограничится, он пойдет дальше, будет только нарастать, и здесь нужны какие-то упреждающие усилия. Необходимо найти для него, для этой исламской юридической картины мира, какую-то нишу, в которую шариат можно будет поместить и, главное, снять прямой конфликт, лобовое столкновение с нормами действующего светского права. Это все надо обсуждать. Но мне кажется, что, по крайней мере, продумать такую возможность стоило бы. Развести шариат и светское право как правовые системы, построенные на разных логиках и разных картинах мира, пустить их как бы по параллельным путям: тогда между ними не будет лобового столкновения.

И я хочу все-таки отреагировать на то, что говорил Александр Джангирович о том, что любое вероучение не рассматривает права человека как высшую ценность. Я про любое, конечно, не буду говорить, но почему для ислама права человека не являются высшей ценностью? А что тогда высшая ценность? Ведь в системе ценностей ислама высшая ценность — это жизнь человека. И она не может быть пожертвована ни при каких условиях. Мусульманин не имеет права жертвовать своей жизнью. Если с европейской точки зрения права человека — это, прежде всего, то, что неотъемлемо (человек не может продать себя в рабство: его свобода неотчуждаема), и если с точки зрения классического ислама жизнь не может быть пожертвована, то почему это нельзя подводить под категорию прав человека? Мусульманин обязан беречь свою жизнь, он не имеет права рисковать и прочее — это все оформляется в юридических терминах. Это высшая ценность, а после этого

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, Степин Вячеслав Семенович

уже идет вся иерархия материальных благ. Поэтому я не знаю, что вы имели в виду, что человек должен жертвовать собой ради Бога, что ли? В исламе — не должен. Ведь идея шариата заключается в том, чтобы обеспечить благо человека в этой жизни и в будущей жизни. Только для этого он дан, а вовсе не для того, чтобы возвеличить Бога и божественное. Бог не нуждается в том, чтобы ему служили, абсолютно не нуждается. Это целая тема. Например, может ли человек быть благодарным Богу? В Коране же сказано, что Бог простил Мухаммеду все его прегрешения, прошлые и будущие, а из известного хадиса мы знаем, что когда тот молился всю ночь, так что его ноги распухли, и его спросила жена: «Почему ты молишься, изнуряя себя? Ведь Бог уже все тебе простил», он сказал: «Неужели я не благодарный раб?». Ной, Моисей названы в Коране благодарными, и Бог также носит имя «благодарный» (*шаккур*). Отсюда пошла эта тема в классической исламской литературе: что значит быть благодарным Богу, может ли человек быть благодарным Богу? Был дан такой ответ: человек не может быть благодарен Богу на самом деле, потому что любой акт благодарения, т.е. отдаривания благом, Богом же и сотворен. Потому что все, что есть у человека — это дар Бога. Поэтому наилучшая благодарность Богу — это понимание того, что ты не можешь быть благодарен Богу. Ты ему не можешь быть благодарен, потому что все, что у тебя есть, все, чем ты можешь его отблагодарить, им же и сотворено. То есть Бог не нуждается в человеке, его благодарности и вообще в его действии. Здесь нет никакой неясности в системе исламского мировоззрения. А все — и Закон, и этика, и вообще вся система жизни — все это устроено исключительно для блага человека. Это, как наш извест-

ный советский, социалистический тезис «все для блага человека», — совершенно исламский тезис и в этой жизни, и в будущей жизни. Поэтому вот я бы это скорректировал все-таки. Спасибо!

Степин В.С.: Существует точка зрения, согласно которой европейское право возникало, когда личность начала складываться именно как европейская личность. И есть точка зрения, что в иных типах культур, в частности, в мусульманской культуре, формируется иной тип личности. В этой связи возникает вопрос, как связаны и связаны ли особенности исламского права с особенностями формирования личности в исламской культуре?

Смирнов А.В.: Наверное, можно согласиться с тем, что в исламской культуре нет *европейской* личности, на то она и «европейская». Но это же не значит, что нет личности вообще. Как раз разрыв с традицией, вырывание индивида из вязких глубин коллективизма, для которого нет индивидуального сознания, категорическое требование сугубо индивидуального, продуманного и ответственного решения, — все это принес именно ислам. Все это есть. Другое дело, что в исламе мы встречаем другой тип правового регулирования — регулирование не индивидуальных прав и обязанностей, а регулирование отношений. Отношения в исламе — первичная единица, которая неразрушима. Если вы отношения разрубите, возьмете индивида как первичное, то уничтожите отношение как нередуцируемую, неразложимую связку. Вы можете потом выстраивать отношения из индивида, из его связи с другими, но нередуцируемость отношений у вас исчезнет. Будет другая логика.

Гусейнов А.А.: А вот джихадисты, которые жертвуют собой, полагая, что они в рай попадут?

Смирнов А.В.: Да ну! Мало ли кто что делает! Ведь, извините, когда мощи привозят, какие выстраиваются к ним очереди? Разве с точки зрения нормативного христианства это так уж правильно? Это магическое отношение к реликвиям, разве не так? Наверное, в любой доктринальной системе есть то, что признается как нормативное, и то, что от него отклоняется. Те джихадисты, которые так говорят и делают, нарушают исламское право. Они на чем основываются? На известном хадисе, где сказано, что человека, который вступает на путь джихада во имя Бога, Бог — вот видите это опять обязательство между двумя — обязуется либо невредимым вернуть домой, либо в случае гибели направить в рай. А дальше они говорят: ну какая разница, взорвал себя ты на пути Бога. А то, что этого делать нельзя, нельзя намеренно уничтожать свою жизнь, запрещено воевать с мирным населением, то что все это запрещено исламским правом, — это уже оказывается за скобками.

Лапаева В.В.: Продолжая тему, поднятую Андреем Вадимовичем, напомню, что в самом конце нашего прошлогоднего круглого стола по проблеме соотношения права с национальными традициями он задал вопрос о том, почему светское правовое государство в выборе формы семьи и брака придерживается христианской моногамной модели, а не мусульманской традиции многоженства. В подтексте этого вопроса (не вошедшего, к сожалению, в опубликованную стенограмму) лежало утверждение о неравном по отношению к разным религиям, а в более широком плане — разным культурам, подходе светского государства к правовому регулированию семейных отношений. Сегодня я бы так ответила на этот очень непростой вопрос. Правовое развитие семейных отношений идет в русле христианской традиции именно потому, что идея равенства между мужчиной и женщиной христианству была гораздо ближе, чем мусульманству. Ведь устами апостола Павла сказано: «... нет ни раба, ни свободного; нет ни мужского пола, ни женского...». Неслучайно, что именно в пространстве христианской культуры идея равноправия женщин получила наибольшее развитие. И в целом можно сказать, что современное право в значительной мере выросло из христианской идеи равенства людей перед Богом.

В рамках сегодняшнего разговора я хочу еще раз подчеркнуть (я уже говорила об этом в прошлый раз), что поскольку мы исходим из разного понимания права, то для очерчивания предмета разговора было бы неплохо, чтобы каждый выступающий определил, то что он понимает под словом «право». Пока мы договорились только о необходимости различения права и закона и признали, что философия права начинается там, где право отличается от закона. Иначе это не

философия права, а просто юридическая догматика. Перед теми, кто сделал этот шаг, открывается огромное смысловое пространство понятия права, которое является ареной борьбы не только разных концепций правопонимания, но и разных течений политико-правовой мысли. Более того, можно сказать, что все идеологически «заряженные» представления о национальной идее (поиски которой сейчас возобновились) сталкиваются или пересекаются друг с другом в смысловом пространстве понятия права. Потому что право — это квинтэссенция вообще всего самого главного в человеческой жизни — свободы и справедливости.

Я не хочу сказать, что мы должны прийти к единому понятию права, но нам нужно определиться, какие есть течения правовой мысли и какие типы правопонимания, чтобы у нас был общий язык для разговора. Что касается моей позиции, то я не претендую на собственное правопонимание. Я просто беру разработанную В.С. Нерсесянцем либертарно-юридическую теорию и его концепцию цивилизма и использую эти теоретические инструменты для осмысления правовой практики. С позиций данного подхода, право — это то, что соответствует сущностному принципу формального равенства в свободе. Если под этим углом зрения вернуться к мусульманскому праву, о котором здесь говорилось, то можно сказать, что это великая этико-религиозная нормативная система с определенными правовыми вкраплениями, а вовсе не правовая система в смысле того правопонимания, которого я придерживаюсь. Право присутствует только там, где люди уравниваются в их свободе, причем в свободе не внутренней, а в свободе внешней.

Наиболее важными направлениями применения либертарно-юридической теории в осмыслении современной правовой практики являются, на мой взгляд, следующие: 1) формирование человекоцентристской доктрины и догмы российского права в русле разграничения права и произвола; 2) осмысление постсоциалистических социально-правовых реалий; 3) анализ соотношения национального и наднационального правопорядков.

Первое из выделенных направлений представляется мне сейчас особенно актуальным. Дело в том, что, несмотря на принятие Конституции РФ, которая ориентирует правовую систему страны на приоритет природных и неотчуждаемых прав человека, в нашей теории права до сих пор нет единства, хотя бы в человекоцентристском подходе к правопониманию, признающему приоритет права (а это, в конечном итоге, всегда право человека) перед государственно-властными установлениями. Популярными у нас так называемые интегративные концепции правопонимания, по сути дела, «интегрируют»

юснатуралистские декларации прав человека с легистской юридической догматикой, дополняя эту эклектику элементами социологического или психологического подходов к праву. Главная проблема нашей правовой теории заключается в том, что в точке своего соприкосновения с юридической практикой, т.е. в догме права, она по-прежнему является легистской и не содержит в себе критериев разграничения права от произвола в форме закона.

Что такое юридическая догматика? Это система принципов, понятий и юридических конструкций, которыми оперирует правовая практика. Это тот язык, на котором практика разговаривает. Нынешняя догма российского права в значительной мере лишь описывает, систематизирует и упорядочивает действующее законодательство, как она делала это в советское время. Нам нужна новая человекоцентристская догматика, в рамках которой правовой статус органов государственной власти определялся бы правовым статусом человека и гражданина. Без решения этой задачи юристы зачастую вынуждены лишь беспомощно комментировать властный произвол в логике известной ленинской фразы «формально правильно, а по существу издевательство». А между тем в праве все, что неверно по сути, не может быть верным и по форме.

Второе направление, которое я выделила, — это осмысление постсоциалистических социально-правовых реалий. Мы все еще живем в переходную эпоху постсоциализма, потому что ни к чему определенному пока что не перешли. А это значит, что страна не вышла из сферы притяжения социалистической идеи. Поэтому отношение к социализму как к идее и практике ее воплощения все еще является ключевым для понимания как современного состояния общественной жизни страны, так и перспектив ее развития.

Если исходить из позиции самих классиков марксизма, согласно которым «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности», то надо признать, что суть постсоциалистической трансформации в России заключается в отказе от общенародной собственности на средства производства. Тогда определяющим моментом такой трансформации следует считать приватизацию этой собственности, а очевидно неправомерной и явно несправедливый характер приватизации — главной причиной проблем в политико-правовом и социально-экономическом развитии страны. Понимание масштабов такой несправедливости и ее возможных последствий дает концепция цивилизма, разработанная В.С. Нерсисянцем на базе либертарно-юридической философии права. С точки зрения данного подхода, перспективы правового развития России зависят от того, сможет ли российское общество хотя бы частич-

но решить проблему легитимации крупной собственности путем своего рода «общественного договора» о собственности между государством, основными бенефициарами приватизации и остальной частью общества. Результатом такого договора станет ослабление сложившегося по итогам приватизации нефеодального симбиоза власти и собственности и появление независимых крупных собственников, которое возродит политическую конкуренцию (потому что партии, как известно, создаются не на народные копейки). А политическая конкуренция уже сделает все остальное, включая и развитие экономической конкуренции, способной вывести экономику страны из нынешнего кризиса.

Что же касается третьего из выделенных мной направлений философско-правового анализа соотношения национального, наднационального и международного правопорядков, то здесь либертарно-юридическая теория может быть весьма полезной в ходе того международного философско-правового дискурса, где в конкуренции разных правовых идеологий вырабатываются универсальные представления о том, что есть право человека в современном мире. У России есть как минимум две выигрышные темы, в рамках которых она может успешно отстаивать свою позицию в ходе такого дискурса. Прежде всего, это критика двойных стандартов, нарушающих правовой принцип формального равенства. Вторая тема связана с развитием тенденций к разрушению института семьи под флагом защиты прав ее отдельных членов, о которых говорили многие выступающие. Тема семьи не случайно оказалась сегодня в центре внимания. Очевидно, что разрушение семьи как социального института делает человека более легкой добычей рыночных манипуляторов массовым сознанием. С излишним (т.е. не учитывающим границы принципа равенства) вторжением законодательства в семейные отношения связаны и некоторые иные тенденции развития европейского права, в русле которых борьба за право быть другим заходит так далеко, что начинает подрывать те основы человеческого общежития, на которых человечество когда-то создавалось. В этих случаях правовой принцип равенства используется вопреки природе права как соционормативной системы, обеспечивающей сохранение и развитие социума. Почему эти вопросы так болезненны? Да потому, что они касаются природы человека, непродуманное вторжение в которую чревато непредсказуемыми опасностями.

Но говорить с Западом на эти темы можно лишь на понятном для него языке права. И либертарно-юридическая теория как раз предлагает такой концептуальный язык. Ведь эта теория строится на признании внутреннего единства

либеральной идеи, состоящей в защите индивидуальной свободы, и демократического процесса правоотворчества, основанного на равносправедливом политическом участии. Такого равносправедливого участия в процессах наднационального правообразования России сейчас явно не хватает. Однако наши претензии на равноправие в этих вопросах будут наталкиваться в том числе и на недоверие Запада, считающего, что российская правовая система строится отнюдь не на либерально-правовом принципе формального равенства в свободе. Поэтому эффективно отстаивать российскую точку зрения на указанные проблемы можно будет только в том случае, если и внутри страны продвижение к праву станет более очевидным.

Степин В.С.: В выступлении Валентины Викторовны, наряду с рядом четко сформулированных вопросов, требующих углубленной разработки, обозначена еще одна очень важная проблема — соотношения правового равенства как основы демократии внутри стран и правового равенства в международных отношениях.

Я не раз обсуждал эту тему в дискуссиях с западными коллегами. Примерно 20 лет назад на конференции в США, в университете Огайо, я высказал следующий тезис: если вы (США и Западная Европа) в международных отношениях будете и впредь позиционировать себя как выделенное особое состояние, которое должны безукоризненно принимать все остальные страны, если свои национальные интересы вы будете представлять другим в качестве общечеловеческих, а интересы остальных стран игнорировать и оказывать на них силовое давление, то это означает уничтожение принципа правового равенства и демократических начал в международных отношениях. Но тогда вы неизбежно получите обратное влияние и на вашу внутреннюю политику, и у вас начнется внутри постепенное разрушение демократии. Здесь двустороннее отношение. Если демократия, то тогда вы должны и внутри и вовне применять ее правовые принципы. И тогда все субъекты международных отношений должны иметь равные права, и никто из них не выделен.

Гусейнов А.А.: А может быть есть какая-то причина, в силу которой это невозможно? Если там сбой в одну сторону, то у нас в противоположную? Нельзя чтобы было одинаково внутри и вовне, есть какая-то причина.

Степин В.С.: Это проблема, которую надо обсуждать. Конечно, принцип равенства государств в рамках международного права, как и принцип правового равенства граждан в рамках каждого современного демократического государства, формируется как идеал. И он может нарушаться как во внутренней, так и во внешней политике. В международных отношениях XX

и начала XXI в. это демонстрировалось не раз. И корреляция между демократией внутри стран и их международными отношениями не является строгой и однозначной, но, тем не менее, она существует. И я хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что в условиях современных информационных войн уже утрачен важнейший признак развитой демократии — наличие свободной прессы и более широко — свободных СМИ. Двойные стандарты в оценке событий внешней политики коррелируют с распространением недостоверной информации и откровенно ложной информации как инструмента внутренней политики.

Обратная связь в системе «власть — общество», являющаяся основой демократических форм правления, тем самым постепенно разрушается. Сегодня новые информационные технологии обработки общественного сознания открыли широкие возможности манипуляций с сознанием масс людей со стороны анонимных социальных групп, выражающих интересы современной финансовой олигархии. Можно утверждать, что человек подвергается систематическому информационному насилию, несовместимому с концепцией прав человека. Здесь мы имеем дело с проблемами, которые требуют особого обсуждения.

Но далее я хотел бы обратиться к другой теме, к идеям, которые Гадис Абдуллаевич Гаджиев высказал в своем выступлении в начале нашего «круглого стола». Я считаю чрезвычайно важным в методологическом отношении и для философии права и для специального корпуса юридических наук введенное им понятие юридического мира. Если речь идет о юридических науках, то это понятие необходимо, чтобы зафиксировать их предметную область. Здесь обстоит дело так же, как и в других науках.

Когда физики говорят об исследуемой реальности — они говорят о физическом мире, о мире физических процессов. Биологи фиксируют, что предметом их исследования является мир биологических процессов, мир живого. Понятие мира как предмета исследования в данном случае означает не мир в целом (Универсум), а аспект или фрагмент этого мира. Соответственно и юридический мир предстает как особый аспект человеческих связей, социальных отношений людей, изучаемых в науках о праве. Но в качестве объективно существующего аспекта социальной жизни, он выделен, как отмечает Г.А. Гаджиев, в качестве предмета юриспруденции, а значит, включает не только научные исследования, но и юридические практики законоотворчества и правоприменения.

И здесь возникает вопрос: если мы зафиксировали юридический мир и как предмет исследования юридической науки, и как сферу юриди-

ческой практики, то каково отношение юридического мира к миру культуры? Это, прежде всего, мир обыденного сознания людей. Как он соотносится с юридическим миром? И тут возникают определенные сложности.

В каждой культуре формируется картина жизненного мира, мировоззренческий образ, который выражает отношение человека к природе, к социальным общностям, духу (человеческому сознанию, добрым и злым духам в архаических обществах, Богам в цивилизациях политеизма и Богу в монотеистических цивилизациях). Этот образ задает контуры понимания и переживания человеком мира, он лишь частично осмысливается людьми, но нерелексивно усваивается ими в процессе воспитания и обучения, определяя фундаментальные ценностные ориентиры, регулирующие человеческое поведение, общение и деятельность.

Картина жизненного мира функционирует в качестве своего рода самоописания культуры. Она меняется с изменениями культуры от эпохи к эпохе. Но в определенном временном интервале, часто на протяжении многих десятилетий и даже столетий, определяющих эпоху, она сохраняет свою устойчивость и предстает как мировоззрение данной эпохи. А.В. Смирнов в своем выступлении, отмечая важность общей картины мира для понимания особенностей права в мусульманской культуре, имел в виду картину человеческого жизненного мира. С ней должна состыковываться картина юридического мира, о которой говорил в своем выступлении Гадис Абдуллаевич. Такая состыковка в современную эпоху осуществляется при активном участии идей философии права. И здесь опять необходим исторический ракурс.

Юридический мир историчен. Его не было в архаических обществах. Он возник только тогда, когда возникли цивилизации, государство и право. Причем в обществах традиционалистского типа и обществах, относящихся к типу современной техногенной цивилизации, юридический мир существенно различен. Права человека, как системный компонент современного юридического мира, отсутствует в традиционалистских обществах и культурах. В них чаще всего отсутствует идеал равных прав всех членов общества. В традиционалистском типе цивилизационного развития доминируют отношения личной зависимости. Правовые нормы, регулирующие эти отношения, как правило, не допускают равных прав властителя и подданных. Идеал равных прав не приемлем для подавляющего числа традиционных культур.

Модернизация традиционных обществ, переводившие их на путь техногенного развития, трансформировали традиционные культуры, внедряя в них техногенные идеалы и ценности.

Но в процессах такого рода трансформаций некоторые элементы традиционалистских культур сохранялись. Это относится и к Китаю, и к Индии, и к России, которая прошла через этапы нескольких модернизаций, наиболее значимые из них — реформы Петра I, Александра II и советский период модернизации, превративший страну в великую индустриальную державу.

Но проблемы правового общества в России, утверждение принципа равного права постоянно наталкиваются на сохраняющиеся традиции личной зависимости, которая порождает многочисленные факты неравного отношения правоохранительных органов к правонарушениям богатых и обладающих властью и всех других граждан.

Само утверждение идеи правового равенства как выражения справедливости является результатом длительного исторического развития общества, изменения основных принципов функционирования юридического мира как особой подсистемы социальных отношений и культуры.

Если взять европейскую историю, то идея равенства и ее выражения в правовых идеях и нормах была различной в античности, в эпоху средневековья и в новоевропейской культуре. В античных рабовладельческих обществах идеал равенства изначально исключал рабов, которые не считались людьми. Раб — говорящее орудие, вещь, владение которой защищено правами и обычаями. В одной из великих греческих трагедий (кажется, у Софокла) есть такие строки «тягостный жребий печального рабства избрав человеку, лучшую доблестей в нем половину Зевс истребляет».

Идея равенства всех людей возникла в европейском средневековье, но в особой форме, которая допускала неравенство в правах, воспринимаемое как выражение справедливости. Это было понимание равенства людей в первородном грехе. Все люди — божьи дети. Адам и Ева согрешили перед Богом, съели яблоко с древа познания, за что их Бог и изгнал из Рая. И приказал: Еве рожать в муках своих, а Адаму трудиться в поте лица своего. И если ты в обыденной жизни терпишь различные беды, трудись в поте лица своего — ты попадешь в Рай. А если ты богат, и на тебя трудятся другие, то легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем попасть богачу в Рай.

Наказания человеку либо здесь — в земной жизни, либо в аду. И в этом справедливость. Все люди равны, поскольку все должны искупить первородный грех. Сословная организация социальных отношений, предполагавшая неравенство в правах высших и низших сословий, также оправдывалась идеей первородного греха, допуская угнетение бедных и бесправных как наказание. Но при этом оно смягчало и чувство

протеста угнетенных надеждой на обязательное наказание в аду их угнетателей.

Идея правового равенства укореняется в эпоху зарождения техногенной цивилизации. В Новое время утверждается иная, чем ранее картина человеческого жизненного мира. С нею коррелирует и с нею согласовывается новая картина юридического мира, основной принцип которой — все люди должны обладать одинаковыми правами, право господствует над всеми. Эта идея не исключала имущественного неравенства. Она стала одной из предпосылок утверждения капиталистических отношений и развития капиталистического рынка.

В этот же исторический период, когда завершилось формирование духовной матрицы техногенного типа развития, возникло в качестве фундаментального компонента этой матрицы новое отношение к научной рациональности. Наука постепенно начинает доминировать в системе знаний о мире, завоевывая право создавать свою картину мира.

Изменение структуры образования, связанное с обучением наукам, превращало научную картину мироздания в мировоззренческий фактор, который через образование изменял быденное сознание людей. Возникали проблемы взаимодействия, состыковки картины человеческого жизненного мира и развивающейся научной картины мира. Проблемы определялись самой природой науки, которая осуществляет прорывы к новым предметным мирам, весьма радикально изменяя свою картину мира. И эти изменения содержат новые непривычные для быденного сознания образы, которые должны быть поняты и включены в поток культурной трансляции. Проблему такого понимания и включения в культуру обеспечивает философия. Она играет важнейшую роль в состыковке картины человеческого жизненного мира и научной картины мира.

Ускоряющееся развитие науки в техногенной культуре породило особый феномен возникновения новых технологий на основе новых научных знаний. В эпоху индустриализации возникли новые производственные технологии, а затем развитие социальных наук привело к формированию новых социальных технологий.

В этих процессах развития наука дифференцировалась. Уже с конца XVIII в. и затем наиболее интенсивно в XX столетии развертывался процесс дисциплинарной организации науки. Крупные блоки научного знания — естественные, технические и социально-гуманитарные науки формировали внутри себя особые дисциплины. Каждая из них формировала видение своего предмета исследования, того особого аспекта мироздания, который предстал в качестве исследуемой реальности — мира данной науки.

Первоначально это произошло в естествознании, в ее ключевых дисциплинах — физике, химии, биологии, а затем (по мере формирования теоретического уровня знаний как главного индикатора становления развитой науки) этот же процесс протекал и в других областях научного исследования — технических и социально-гуманитарных науках.

Ученые в своей деятельности постоянно используют язык картины мира, но чаще всего не выделяют и не анализируют эту картину как особую форму теоретического знания. В этом статусе она фиксируется с позиций философско-методологического анализа, который в принципе могут осуществлять и ученые-специалисты, развивая философские основания своей науки.

В этом отношении то, что Гадис Абдуллаевич предложил ввести понятие юридического мира и картины юридического мира значимо не только для философии права, но и для философии науки. Кстати, анализ картины мира как особой формы теоретического знания в философии науки был проделан сравнительно недавно. И здесь наши отечественные исследования имели приоритет перед зарубежными. Была разработана типология картин мира, проанализированы их отличия и связи с конкретными научными теориями и опытом, их функции в научном познании. Используя этот методологический арсенал, можно обозначить те необходимые шаги, которые требуют разработка понятия «картина юридического мира».

Первое требование к научной картине мира — это то, что она должна дать системное видение предмета своего исследования. Такое видение предполагает, что выделены первичные онтологические элементы, связи между ними и зафиксированы процессы, возникающие благодаря этим связям как развертывающиеся в пространстве-времени. Я приведу конкретный пример, чтобы было более понятно, о чем идет речь. Сошлюсь на первую естественнонаучную картину мира, которая возникла благодаря усилиям физиков XVII в. от Галилея до Ньютона и которая получила впоследствии название механической картины мира. Она предлагала следующее видение природы. Первое — мир состоит из неделимых атомов. Так Ньютон и написал: «Бог создал мир из неделимых корпускул». Второе — из атомов построены все остальные тела (жидкие, твердые, газообразные); третье — атомы и тела взаимодействуют посредством мгновенной передачи сил в пространстве. И четвертое — взаимодействия и порожденные ими процессы развертываются в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени. Этот системно-структурный образ мира характеризуют категории субстрат, взаимодействие, пространство, время.

Механическая картина мира вначале функционировала и как физическая, и как естественнонаучная, и как общенаучная картина мира. Она оказала влияние на формирование не только естественных, но и социальных наук. Внедряя в эти области знания новые образы мира, она вызвала в них революционные преобразования. Но затем, в процессе развития наук были выявлены особенности их предметных областей и механистические представления были модифицированы, что привело к созданию и последующему развитию иных картин исследуемой реальности. Но и в самой физике также произошли научные революции, в ходе которых механическая картина мира после создания Максвеллом теории электромагнитного поля сменилась на электродинамическую картину физического мира, а затем в процессе великой революции в физике конца XIX — первой половины XX вв. на квантово-релятивистскую картину.

Однако при всех этих коренных трансформациях научной картины мира сохранялась ее исходная установка — представить исследуемую реальность в ее системно-структурном видении.

Возвращаясь к идеям картины юридического мира, я хотел бы обратить внимание, что в выступлении Г.А. Гаджиева в этом направлении сделаны важные шаги. Было зафиксировано, что исходными элементами картины юридического мира являются не просто люди, а их особые функциональные роли, маски, т.е. по- существу — это абстрактные сущности, которые имеют онтологический статус. Взаимодействия между ними предстают как правовые отношения.

Остается только неясным, как охарактеризовать пространство-время, в которых это взаимодействие осуществляется. Над этим нужно подумать, но предварительно можно сказать, что это не физическое, а социальное пространство и время, специфические характеристики которого проявляются в правовых действиях.

Разумеется, картина юридического мира, как и любая другая научная картина мира, должна изменяться и уточняться по мере развития науки. И, конечно же, эти изменения должны откликаться на перемены, происходящие в современных обществах.

Я солидарен с высказанным Вадимом Марковичем Розиным суждением, что юридическая наука должна анализировать происходящие сегодня процессы, учитывая весь системный комплекс происходящих перемен. Остановлюсь только на одном из факторов этих перемен. Сегодня человечество стоит на пороге прорыва к конвергентным (NBIC)- технологиям (нано, -био, информационным и когнитивным технологиям), которые способны вызвать новые социальные проблемы, в том числе и правового регулирования. В частности, новый этап развития биотехнологий, в

том числе генной инженерии, открывает перспективы значительного продления человеческой жизни, улучшения человеческих возможностей путем генетических изменений, но в принципе намечает опасные перспективы коренной биокрибернетической трансформации человека. Выяснение, какие из этих возможностей получат реализацию, как это будет соответствовать гуманизму, какие здесь возникают риски, требующие правовой регуляции, по-видимому, станет главной задачей буквально ближайших лет. Такого рода анализ может определить тенденции развития картины юридического мира.

Итак, подвожу итог: нужно выявить типы картин юридического мира, проследить, как они сменяются в процессе развития юридической науки и практики, как они включаются в культуру и как влияют на ее развитие.

Гусейнов А.А.: Спасибо! Видите, у нас уже целая программа развития философии права формируется.

Розин В.М.: Можно реплику? Я сначала по поводу формального равенства. Очень интересно то, что вы говорили, но у меня возникает такой вопрос. Еще Аристотель говорил, когда начал обсуждать справедливость, что она реализуется в общении равных, имея в виду общину. Мы видим, что была возможность это равенство обеспечить. А сегодня мы можем обеспечить это равенство? То есть, не имеем ли мы дело с такой ситуацией, с такими изменившимися условиями, что это равенство уже невозможно обеспечить?

Степин В.С.: Если иметь в виду современные риски, то я бы отреагировал такой репликой. Фукуяма уже написал, что если начнут изготавливать путем генетического вмешательства и генной инженерии людей с принципиально новыми сверхчеловеческими способностями, и одни из людей будут обладать такими способностями (уже не от природы, а искусственно сконструированными), а другие такими способностями не смогут обладать в принципе, и если время жизни сверхспособных людей будет превышать время жизни обычного человека, к примеру, на сто лет, то тогда идея прав человека рухнет.

Гаджиев Г.А.: Это в рамках теории естественного права.

Степин В.С.: Да.

Гаджиев Г.А.: А в теории Нерсесянца не рухнет, там другое.

Степин В.С.: Тогда надо на теорию Нерсесянца тоже посмотреть с позиций тех возможных рисков, которые открывают NBIC — технологии. Я, к сожалению, глубоко не анализировал его концепцию, знаком с ней поверхностно. Но мне представляется, что ее вряд ли можно совместить, например, с идеями трансгуманизма, для которого биотрансформация человека призвана привести к принципиально новому типу мысля-

щих существ, стоящих на высшей ступени эволюции по сравнению с человеком. И уже сложилось общественное движение трансгуманистов, которое ставит под вопрос сложившиеся гуманистические ценности.

Гаджиев Г.А.: А второе — это как раз к теме. Я совершенно согласен, и мне кажется это действительно интересной категорией юридического мира. Но я хочу, развивая эту тематику, обратить внимание, что есть еще довольно известная вещь: право как социальный институт. Это очень важно. То есть институт, который задает миссию, который имеет процедуру и т.д. Есть целые направления анализа в нем. И то, что вы, например, говорили по поводу того, что люди, когда они попадают в эту сферу совершенно особо действуют — то это они действуют институционально. То есть, чтобы реализовать требования института, они вынуждены быть истцами, защитниками, обвинителями, совершенно по-другому себя вести. Обратите внимание, юридический мир, право как социальный институт — это еще одно измерение. Правовая культура — это еще один план. И, наконец, право как сфера деятельности. По меньшей мере, четыре вещи: юридический мир, право как социальный институт, юридически-правовая культура и право как сфера деятельности. И каждый из этих аспектов имеет свою внутреннюю логику. И вот, может быть, если бы мы сумели разобрать эти логики и понять связи, мы бы создали для юридической науки хорошие основания.

Степин В.С.: Я согласен с необходимостью рассматривать в качестве системно связанных выделенные вами аспекты анализа права. Частично они предусматривались мной в вышеприведенных рассуждениях. Понятие юридического мира я рассматривал и как систему юридических знаний, которые относятся к юридическому миру как их предметной области, и как их прямые и обратные связи с практикой законодательства и законоприменения.

В этом последнем значении, если его уточнить и конкретизировать, мы, конечно же, должны рассматривать правовую практику как деятельность, где право выступает в качестве социального института. Я еще раз подчеркну, что считаю предложенный вами, Гадис Абдуллаевич, концепт «юридический мир» важной и перспективной теоретической конструкцией. Но этот концепт не рядоположен понятиям юридическая деятельность и правовая культура, а включает их. И при дальнейшем развертывании содержания категории «юридический мир» мы получим три выделенные вами аспекта анализа. И тогда юридический мир предстает как особая подсистема общества, которая формируется и развивается в контексте культуры и оказывает обратное влияние на ее развитие. Юридический мир воспроизводится и изменяется благодаря деятельности,

и, прежде всего, правовой деятельности, которая осуществляется в системе определенных социальных институтов.

Все это можно обозначить как онтологический план содержания категории «юридический мир». Но есть еще и методологический план, который соотносит данную категорию не только с философией права, но и с философией науки. Я имею в виду понятие картины юридического мира как одной из экземплификаций особой формы теоретического знания — научной картины мира. Для понимания оснований юридической науки этот план имеет важное значение. Он ставит проблему структуры картины юридического мира, ее функций в систематизации знаний юридических дисциплин, ее функционирования как исследовательской программы, ее роли во включении конкретных достижений юридической науки в поток культурной трансляции. В рамках этого плана возникает далее проблема развития картины юридической реальности, смены ее типов, механизмов этой смены, которые характеризуются в методологии науки как этапы научных революций.

Впрочем, все это — предварительные подходы, которые требуют дальнейшей аналитической проработки. Могу лишь высказать пожелание, чтобы мы в дальнейшем еще более тесно сотрудничали в обсуждении этих проблем.

Гаджиев Г.А.: Валентина Викторовна что-то хотела сказать.

Лапаева В.В.: По поводу вопроса, который вы задали. Я могу ответить на него. Вообще, формально равенство имеет содержательную составляющую и процедурную. Содержательность заключается в равенстве деяния и воздаяния, координации прав и обязанностей, правоопределенности и т.д. Это все можно обеспечить, конечно. Но не абсолютно все, а относительно, в исторически конкретном времени. Вообще, историческое время может в равной степени обеспечить все эти вещи. Но здесь очень важна процедурная составляющая. Суть ее заключается в том, что право — это договор между равными, а не договор между сильными. То есть предполагается равное политическое участие в правообразовании. Именно оно и является гарантией того, что равенство будет в содержании. Возьмем тот крайний случай, о котором говорил Вячеслав Семенович, когда некоторая категория людей начнет очень долго жить. Если общество в целом сохранит свои демократические основы, то оно сумеет и этот момент сбалансировать, потому что это очень существенная несправедливость, а общество не может быть несправедливым долго. Ведь будет социальный разрыв или что-то еще, с этим люди не будут долго мириться. Поэтому вопросом главной гарантии содержательного равенства является именно демократия. Политическая, конкуренция, демокра-

тия — всем известные вещи, которые никто не отменял. И они возможны.

Керимов А.Д.: Знаете, мне как раз кажется, что тезис, согласно которому общество может оставаться несправедливым недолго, не более чем благое пожелание. Все известные нам организованные в государства капиталистические общества, действующие на основе рыночной экономики, абсолютно несправедливы. Таково положение вещей последние, как минимум, двести-триста лет. Правда есть надежда, что наступит посткапиталистическая формация и будет сформировано постпотребительское общество. Некоторые признаки, слабые ростки возможности такого общественного состояния мы наблюдаем уже сегодня. Однако на настоящий момент история красноречиво свидетельствует о том, что, к сожалению, общество может в течение весьма длительного периода времени оставаться несправедливым и несправедливость эта бывает поистине вопиющей.

Лапаева В.В.: Нет, но все относительно и общество движется от меньшей справедливости к большей, правовое развитие — это процесс. И каждый раз право достаточно ограничено. Но, извините, по сравнению с феодализмом, где было преобладание власти и собственности, капитализм эти вещи изменил, создал политическую конкуренцию и идет дальше.

Керимов А.Д.: То есть вы считаете, что есть прогресс в области нравственной?

Гусейнов А.А.: Андрей Вадимович, и вы что-то хотите сказать?

Смирнов А.В.: Я буквально два слова, потому что у меня осталось некоторое беспокойство по поводу того, что Валентина Викторовна сказала, связав христианство и формальное равенство. Понимаете, вы так не разведете христианство и ислам. Все, что вы сказали о христианстве, приложимо и к исламу. Ислам — это утверждение равенства всех людей перед Богом. Более того, не было там сословных различий, сословных преимуществ, и все были равны перед законом, включая халифа. И судебная власть была, пусть не абсолютно, но в значительной степени отделена от государства, если вы под государством понимаете халифат.

Лапаева В.В.: А мужчины и женщины, извините, ключевое отличие?

Смирнов А.В.: Извините, а в христианстве женщина — это разве не сосуд греха, и вообще-то женщину было бы хорошо как-то удалить из картины мира, отослав ее в монастырь, например. Какая еще женщина? Земная женщина — это пособница дьявола. Из-за нее мы упали оттуда, из рая. А в исламе, между прочим, нет никакого первородного греха и природа человека не испорчена, природа нормальна, она не требует искупления, это совершенно другая картина мира. Вот это первое беспокойство.

Второе беспокойство — по поводу того, что говорил Вячеслав Семенович. Не будет ли это выглядеть как европоцентризм? Я совершенно против всякой политизации слова «европоцентризм». Если мы мыслим в рамках европейской науки, мы и будем европоцентристами. Но надо все-таки к этому рефлексивно относиться и видеть, что возможны и другие картины. Если мы говорим о множественности картин в рамках европейской традиции, то почему бы нам немножечко не расширить и не сказать, что и в рамках всей человеческой цивилизации возможны разные *типы* картин мира — разные по своему основанию. И тогда в основе у вас будут лежать не субстанциальные субъекты и не корпускулы, а действия и процессы. Вот почему такой картины не может быть, в том числе юридической?

Степин В.С.: Если речь идет о картинах жизненного мира, то в каждой культуре есть своя картина мира. Но если речь идет о научных картинах мира, то нужно учитывать, что естествознание, технические, да и современные социальные науки, с присущим им развитым уровнем теоретического знания, сформировались в европейской культуре, на этапе возникновения техногенного типа цивилизационного развития. И их применение в иных культурных мирах было связано с процессами модернизации.

И мы с вами, Андрей Вадимович, не раз обсуждали вопрос о трудностях восприятия многими культурами, частично сохранившими традиционалистские ценности, научных картин мира, возникших в рамках классического типа научной рациональности. Этот тип рациональности открывал возможности изучения простых систем, где исходным началом были вещи, а процессы толковались как взаимодействие вещей. Но в развитии науки возникли и иные типы рациональности — неклассическая, обеспечивающая освоение сложных саморегулирующихся систем, и постнеклассическая, ориентированная на освоение саморазвивающихся систем. Эти типы рациональности доминируют в современной науке. И в них объекты (вещи) предстают как процессы, воспроизводство и изменение которых при их освоении определено деятельностью. И тогда с этими подходами вполне может соотноситься та логика процессов и действий, о которых вы говорите.

Я уже высказывал точку зрения, что традиционалистские взгляды на мир, противоречащие классической науке XVII–XIX вв., вполне могут воспринять современную научную картину мира с ее образами мира как саморазвивающейся сложности.

Смирнов А.В.: Да, конечно. Мы говорили уже об апории «Стрела»: возможны две альтернативные, но одинаково научные точки зрения. Для одной возникает апория, для другой — нет.

Бочкарев Сергей Александрович

Речь идет о реальности, о том, что всегда называли «объективный мир». Но оказывается, что мир вещей задан для нашего восприятия и познания, в том числе научного, по-разному, альтернативно, в зависимости от того, какой логикой мы руководствуемся: логикой субстанции или логикой процесса. Мир вовсе не дан нам «объективно», мир задан нам логикой смыслополагания. И мы не можем выделить научное познание в качестве некой привилегированной области, которая имеет дело с «настоящим» миром, тогда как «жизненный мир», о котором вы говорили, будет понят не как подлинный мир, а как образ подлинного мира, подстроенный под когнитивные способности того или иного субъекта познания. Помните, как Кассирер цитирует Иксюля, говорившего, что в ежином мире имеются только ежьи вещи, а в мушином — мушиные? В этом есть некоторый намек. Я бы сказал так: если вы мыслите субстанциально, вы будете иметь дело с миром «объективных» субстанциальных вещей, если мыслите процессуально — с миром столь же «объективных» процессуальных вещей. И то, и другое будут изучаться «объективно», научно.

Бочкарев С.А.: Спасибо большое за предоставленное слово! Я как практикующий юрист хотел бы поддержать позицию Гадиса Абдуллаевича о значении философии права для прикладной юриспруденции. Казалось бы, и добавить более нечего. Об актуальности и полезности фило-

софии для права, с одной стороны, в достаточной мере сказано в обеих сферах знания. Ответ на вопрос о целесообразности их синтеза не вызывает сомнения. Результаты обсуждения заявленной темы на данном круглом столе служат тому очередным подтверждением. Как философы, так и правоведы сходятся во мнении о необходимости обеспечения межотраслевого сотрудничества между философией и правом.

С другой стороны, такого единодушия по рассматриваемому вопросу не наблюдается в конкретных отраслях права. На их уровне очень часто звучат мнения о сугубо прикладном (приземленном) характере этих отраслей, который не предполагает каких-либо дискуссий философского, как им кажется, отвлеченного порядка.

Можем ли мы говорить о необходимости и полезности синтеза философии и конкретных отраслей права, к примеру, философии и уголовного права, вести речь о философии уголовного права? Можем ли мы дискутировать о философии гражданского права или ограничимся убеждением о том, что у гражданского есть римское право с его тысячелетней историей как своя протооснова. Поскольку известная нам цивилистика происходит из римского права, то нет предмета для философской дискуссии. Во многом такое же положение дел наблюдается в уголовно-правовой дискуссии. Сплошь работы по уголовной политике, в которых утверждается о том, что о сущем и должном в уголовно-правовом мире призвана судить уголовная политика. Она на полном серьезе рассматривается в качестве самостоятельной наддисциплины, с позиции которой, как считают специалисты, можно утверждать о том, что есть преступное, а что есть нормальное. Криминалисты на полном серьезе считают, что уголовная политика является той дисциплиной, которая по иерархии располагается над уголовным правом и содержит в себе фундаментальные знания о бытийных основаниях этого права.

Гражданское и уголовное право, конечно, не лишены работ философского плана. Но они носят единичный и очень отрывочный от философии характер. Объему и качеству соответствующей литературы еще не под силу взять верх над преобладающим мнением об отсутствии необходимости в философских спекуляциях на уровне конкретных отраслей права.

Соглашусь с Гадисом Абдуллаевичем и в том, что многое в праве метафизического, аксиологического, нематериального порядка. Однако это обстоятельство часто забывается отраслевиками. Хотя именно оно объясняет ту причину, по которой при познании правовых явлений, вскрытии их подлинных оснований нельзя обойтись без философии. Меня часто спрашивают: что в уголовном праве метафизического? Часто указывают на то, что в нем не может быть ничего метафизи-

ческого, поскольку суть и смысл этого права часто исчерпывают словами одного известного героя из не менее известного фильма: «Украл, выпил — в тюрьму». Вместе с тем, ответ на вопрос о метафизическом в уголовном праве лежит на поверхности. Охраняемые этим правом блага — жизнь, свобода, собственность — явления, прежде всего, метафизического порядка. Разве физиология способна объяснить нам, с какой поры защищать жизнь средствами уголовного права? Не способна. И никогда физиология не принимала на себя таких обязательств. Пределы уголовно-правовой охраны жизни, свободы и собственности мы сможем определить только тогда, когда сможем познать онтологию этих ценностей и научимся отличать их от подобных им суррогатов, для защиты которых предназначены уже другие отрасли права (гражданское, административное и т.д.).

Или другой пример — гражданское право. Сегодня оно, как мне представляется, перенасыщено различного рода суррогатами, или как отметил Гадис Абдуллаевич, юридическими фикциями, которые консервативному уголовному праву малопонятны. К примеру, появление такого объекта частно-публичных отношений как материнский капитал. Мы, правоприменители, видим много на этой почве мошеннических спекуляций уголовного порядка. Но когда доходит дело до применения, мы задаем вопрос: материнский капитал — это право требования или вещное право? Какое отношение оно имеет к институту собственности с тем, чтобы мы начали квалифицировать и защищать эту собственность. Если это собственность, то чья это собственность? Того, кто выделяет эту субсидию — государства, или же это собственность уже того, кто рождает? Иными словами, не прояснена онтология материнского капитала. Теории уголовного права и гражданского права дают лишь очень приблизительные ответы. На практике это означает, что на основе такой приблизительности осуждаются и приговариваются к различным видам наказания тысячи граждан, возможно, несправедливо.

В конце своего выступления хотел бы еще отметить, что отсутствие целостного философского освоения конкретных отраслей права приведет к наступлению пагубных последствий не только для них. Рано или поздно негативное влияние ощутит на себе и сама общая теория права. Отсутствие единого философского базиса между правом и его отраслями не обеспечивает их взаимодействие на должном уровне. Спасибо большое!

Гусейнов А.А.: Очень интересно.

Баренбойм П.Д.: Можно реплику?

Гусейнов А.А.: Да, конечно, вы так долго молчали, имеете право на реплику.

Баренбойм П.Д.: Да, я сам устал долго молчать. Конечно, Генеральная прокуратура должна поддерживать Конституционный Суд, это аксио-

матично. Могу сказать, что коллега из Генпрокуратуры затронул необыкновенно важный вопрос. Хотя все-таки нет философии уголовного права и нет философии гражданского права, а есть философия права и ее аспекты. Теория государства и права была в Советском Союзе консервативна, а сейчас полностью провалилась. У нас полная разбалансированность отраслей права. Одни отрасли права, например, гражданское, вобрала в себя очень много от англосаксонского и современного континентального права, насытились современными понятиями. Насколько хорошо, не будем в это вникать. А уголовное право осталось во многом в советском периоде. И между ними стыковки нет. За грубое нарушение гражданско-правовых отношений наступает уголовная ответственность. И между собой ничего не стыкуется. Например, понятия «бенефициар» в гражданском праве и в уголовном праве разошлись. Никто на это не обращает внимания. Теория государства и права не в состоянии осуществить координацию между отраслями права, и везде появляются «черные дыры». И поэтому философское осмысление стоящих перед нами правовых проблем даст возможность выявить эти нестыковки и говорить о необходимости их устранения. Потому что мы не можем в одной стране жить по разным правовым понятиям. Гражданско-правовое отношение — это одно, уголовно-правовое отношение — это другое. Вот сейчас пытаются решить проблему: не преследовать излишне предпринимателей или снять уголовную нагрузку на бизнес. А как ее снять, если не отрегулированы основные отношения между отраслями права. И я думаю, что это могло бы быть вторым направлением, а может быть и первым направлением в рамках философии права, потому что здесь участие философов, даже не знающих тонкостей одной или другой отрасли, и юристов, которые это понимают, могло бы быть решающим. Мы этим мир не удивим, это не международный проект, от которого содрогнется мир. Но для нас сегодня и сейчас это крайне актуально, потому что десятки, сотни тысяч людей в стране страдают из-за того, что общие проблемы различия в отраслях права не координируются и не осмысливаются. Спасибо!

Войниканис Е.А.: Прежде всего, я хотела бы поддержать тезис о наличии необходимой связи между философией права и различными отраслями права. Нет ничего зазорного в использовании таких терминов как «философия гражданского права» или «философия уголовного права». На меня когда-то сильное впечатление произвел тот факт, что в Оксфорде, помимо общей философии права, преподают именно эти дисциплины — философию гражданского и философию уголовного права. Однако и общая философия права также способна оказывать влияние на практику. Приведу в пример основателя юридической антропологии Норбера

Рулана. Рассказывая о своей интеллектуальной биографии, он отмечает, что пока изучал правовое прошлое различных цивилизаций и ездил по племенам, его исследования не вызвали вопросов. Но стоило ему обратиться к современности, и он сразу же нашёл себе множество врагов. У Рулана есть очень интересная статья — это к вопросу о европейском взгляде на права человека, — которая называется «О правах человека: антропологический взгляд». В статье рассматривается тот же вопрос, который сегодня поставил Гадис Абдуллаевич: можно ли говорить об универсальности прав человека? И автор приходит к выводу, что говорить можно не об универсальности, а, скорее, о псевдоуниверсальности прав человека, так как их европейское понимание сформировалось на базе сугубо индивидуалистической культуры. В тех же культурах, где не меньше, а иногда и большее значение, чем право, имеют другие социальные регуляторы (традиции, обычаи, религии), складывается совершенно иное представление о правах человека. С другой стороны, мы живём в век глобализации, когда взаимодействие между различными культурами становится все более интенсивным. Необходимо учитывать и то, что сама культура не стоит на месте и изменяется. Поэтому крайне медленное и постепенное становление чего-то, что можно было бы назвать универсальными правами человека, все же происходит. Но, как пишет Рулан, этот процесс идет настолько тяжело, что нам необходимо ценить и использовать даже малейший шанс, чтобы единый подход к правам человека стал реальностью.

Теперь несколько слов о соотношении индивидуальной свободы и общего блага. Сегодня уже упоминался Кант. Да, действительно, Кант выделяет природные и приобретенные права человека. При этом, как уже было сказано, природным правом человека является только одно единственное право, а именно — свобода. Но важно, что Кант сразу же делает следующую оговорку: понятие свободы включает в себя равный статус субъектов и их взаимные обязанности. Таким образом, получается, что Кант рассматривает человека изначально как социальное существо.

Интересна также точка зрения Спекторского, который в своем докладе о теории солидарности обращается к правам человека для того, чтобы доказать важность общего блага. Во французской декларации прав и свобод гражданина присутствуют одновременно три права — свобода, равенство и братство. Однако история показывает, что французы воплотили в жизнь только два из них, а именно свободу и равенство. После принятия декларации «братство» не нашло свое отражение ни в правовом, ни в государственном порядке. В действительности, братство представляет собой

полухристианский и даже полупатриархальный принцип. Но тогда зачем оно упоминается в декларации? Спекторский полагает, что французы, видимо, предчувствовали, что только на основе равенства и свободы никакое общество существовать не может. И история Франции это подтверждает. Свобода и равенство постепенно пришли в состояние конфликта. На основании свободы во Франции развивалась частная собственность, но все пришло к тому, что между имущими и неимущими возникла пропасть. Те, кто были этим недовольны, стали по-особому интерпретировать равенство. Они решили, что, для того чтобы преодолеть несправедливость, нужно всех принудительно уравнивать. Таким образом, вместо действительно свободных индивидов и добросовестной конкуренции страна получила, как пишет Спекторский, борьбу классов и фактически политическую войну. И вот тогда французские юристы начали разрабатывать теорию солидарности. Неопределенное и аморфное понятие братства они заменили понятием солидарности как социальной взаимозависимости, *interdépendance*. Те изменения, которые они внесли в правовое регулирование, основываясь на принципе солидарности, помогли Франции справиться с критической ситуацией в экономике и политике.

По поводу значения философии права. Мне лично близка точка зрения Михайловского, который пишет, что философия права — это не совсем юридическая наука, а «посредствующее звено» между философией и правоведением. А тогда важно спросить себя о том, в чем состоит значение философии для любой науки и для общества в целом. Со многим, что было уже сказано сегодня, я согласна, поэтому то, что я скажу, является только дополнением. У Кьеркегора в «Афоризмах эстетика» есть хороший тезис о странности людей, которые никогда не пользуются тем, что у них есть, но хотят иметь то, чего у них нет: у человека есть свобода мысли, а он все время жаждет свободы слова. Комментируя данное высказывание Кьеркегора, В.И. Молчанов обращает внимание на то, что когда говорят о человеческой свободе, то говорят о свободе чего угодно (свободе воли, слова, действий), но не о свободе мысли. В освобождении человеческой мысли, таким образом, заключается значение феноменологии. Мне, однако, представляется, что таково значение философии в целом.

Я хочу сказать, что для меня лично одна из важнейших миссий философии (и она ее так или иначе выполняет, вне зависимости от концепций) — это расширение границ человеческого мышления и освобождение человеческого мышления от его собственных оков. Любое человеческое мышление, как обыденное, так и научное и, соответственно, правовое мышление, никогда не бывает свободным от предрассудков

и предпосылок. И философская рефлексия, не обязательно феноменологическая, помогает их раскрыть и хотя бы частично преодолеть. Важно, что предрассудки никогда не лежат на поверхности, их источником является наша картина мира. Применительно к праву, это то, что является для юриста аксиоматичным, то, над чем он практически не задумывается. Но то же самое справедливо и для любой другой науки. Научная картина мира (например, картина мира Ньютона) никогда полностью не совпадает с теорией. Мы получаем представление о научной картине мира и о связанных с ней предрассудках путем рефлексии, осмысливая ее онтологические и гносеологические основания. Может быть, я ошибаюсь, но лично мне кажется, что все происходит именно так.

Степин В.С.: Вы не ошибаетесь, акцентируя идею картины мира как глубинного знания, лежащего в основании науки. Научная картина мира действительно определяет аксиоматику теоретического рассуждения. Она вводит систему онтологических принципов, на которые опираются конкретные теории определенной научной дисциплины. В современных исследованиях по методологии науки четко выделены признаки, по которым проводится демаркация между картиной мира как особой формой теоретического знания и конкретными теориями, развивающимися на ее основе.

Войниканис Е.А.: Согласна. И вот пример из области права. Г.В. Мальцев замечает, что юристы с профессиональной гордостью используют такие понятия как «механизм правового мышления», «механизм правотворчества» и т.п., но при этом не задумываются, что любые механистические представления являются отражением классической рациональности. То, над чем не задумываются юристы, способна осмыслить философия. Кризис классической рациональности и последующая смена рациональности представляют собой общенаучную и даже общекультурную проблему, но поиск путей преодоления этого кризиса осуществляется именно в рамках философии.

И еще одно замечание. Действительно, в самом начале XX в. Иеринг писал о понятийном рае для юристов. Интересно, что, хотя речь идет о критике позитивизма и формализма, Г. Харт с сожалением пишет, что данное эссе Иеринга до сих пор не переведено на английский язык. Значит, Харт признает, что позитивизм в чем-то заблуждается, а эссе Иеринга показывает то, что сам позитивизм просто не замечает. О чем же пишет Иеринг? Он пишет о том, что в этом замечательном рае пребывают различные юридические понятия, такие как собственность и добросовестность, а еще те инструменты, с помощью которых юристы манипулируют по-

Войниканис Елена Анатольевна

нятиями. Но главное — в другом. Данное место представляет собой рай только потому, что все заключенные в нем понятия являются абсолютно чистыми. Они свободны от любых наслоений обыденной человеческой жизни. А ведь в этом-то и состоит кризис, именно в этом заключается проблема метафизического мира юристов. Юристы не видят, что их мир, по сути, является метафизическим раем. Они не замечают, что в какой-то момент метафизический мир заменяет мир реальный. Кстати, Мальцев, когда писал, что проблема классической рациональности состоит в ее универсальности, именно это и имел в виду. Ученый полагал, что когда рациональность стремится к абсолютной универсальности, теряется ее связь с социальной реальностью и с нравственностью. Поэтому, мне кажется, что метафизический юридический мир существует, однако нельзя забывать, что он подвержен изменениям. Право не может существовать без строгой понятийной системы, но эта система имеет историческое происхождение, какие-то ее элементы являются относительными и допускают существенные преобразования. Если мы это понимаем, тогда все в порядке.

И, наконец, последнее замечание по поводу права и личности. Не думаю, что в праве понятие человеческой личности сильно редуцируется. Ведь и в реальной жизни личность человека никогда не раскрывается одновременно во всех ее аспектах, в бытовой, профессиональной или в иных сферах мы сталкиваемся только с какими-то конкретными сторонами личности. То же самое происходит и в праве: субъект права пони-

Тухватулина Лиана Анваровна

мается тем или иным образом в зависимости от ситуации, от того, какие именно отношения регулируются. В доказательство могу привести историческое исследование Марселя Мосса о том, как происходило становление понятия личности. Ученый приходит к выводу, что впервые понятие личности сформировалось в Древнем Риме, причем не в культуре, а в праве. Именно благодаря развитию римского права слово *persona* постепенно утратило свое первоначальное значение «маска» и стало обозначать человека как индивидуальность.

Гусейнов А.А.: Спасибо, Елена Анатольевна! Я с ужасом думаю, что мы могли заговориться и вы бы не получили возможности выступить, а мы услышать столь замечательную речь. Лиана Анваровна, пожалуйста!

Тухватулина Л.А.: Я аспирант сектора социальной эпистемологии Института философии. Я бы хотела бы обратиться еще к одному тезису из выступления Гадиса Абдуллаевича, который здесь пока не обсуждался. Дело в том, что сфера права и, соответственно, правоправедения, интересна не только философии права, но еще и философии науки. Ведь историко-методологическая динамика правоправедения, динамика метода исследования права показательны, поскольку отображают значимые тенденции для социогуманитарного знания в целом. В этой связи хотелось бы обратить внимание на ваш, Гадис Абдуллаевич, тезис о том, что суверенитету теоретического мира правоправедения сегодня угрожает экспансия из области экономики. Мне бы хотелось задать вопрос, насколько подобная экспансия может представлять угрозу правоправедению? Например, в рамках современного междисциплинарного направления «law and economics» (право и экономика), у истоков которого стоят представители Чикагской экономической школы и Йельской школы права,

как раз отстаивается та идея, что сущность права может быть рассмотрена через его функциональность; право — это институт, который призван минимизировать социальные издержки (в том числе, и в их экономическом измерении). А потому оно не может исследоваться в рамках жесткой позитивистской юриспруденции, а должно стать предметом междисциплинарных исследований. В частности, речь идет о методологическом диалоге между правоправедением и экономической теорией.

В 2016 г. случилось очень редкое явление в российском интеллектуальном пространстве: книга одного из крупнейших ныне живущих теоретиков «law and economics», судьи американского апелляционного суда Гвидо Калабрези «Будущее права и экономики» вышла на русском языке в один год с оригинальной версией, изданной в Йеле. Примечательно, что Калабрези — теоретик права, обладающий высокой философской культурой. А потому анализируемый тренд на сближение экономической и правовой теории осмысливается им с философско-методологической позиции. Он обозначил проблему, указав, что правоправедение ищет точку опоры в других социальных дисциплинах, потому что наука о праве до некоторой степени разочаровалась в философии. Это разочарование наблюдается еще с первой трети XX в. — с тех пор, когда выдающийся австрийский правовед Г. Кельзен, пытаясь отмежеваться от философии и создать чистое учение о праве в жестких дисциплинарных рамках юридической науки, доказывал, что у юриспруденции есть ресурс для методологической самостоятельности. Правда, еще при жизни Кельзена критиковали за ограниченность предложенного им метода. История западной традиции правовых учений XX в. показывает, что дальнейшие поиски оснований правовой теории характеризовались обращением и к социологии, и к психологии (например, в рамках скандинавского правового реализма), и к наиболее близкой области — к политической теории. То есть провалы, обнаруженные в формалистских подходах к праву (в частности, в концепции Кельзена), вынуждали теоретиков к дальнейшим поискам возможностей для продуктивного методологического диалога. А потому, Гадис Абдуллаевич, ваш тезис, о том, что правовому суверенитету (в данном случае, речь о методологическом суверенитете) угрожает экономическая экспансия (которую можно понимать как проникновение объяснительных моделей, свойственных экономике, в область объяснения природы правоотношений), наводит на мысль о том, насколько этот суверенитет вообще важно охранять. Может быть, сложность социального феномена права в том, что это такой инструмент, который

Захаров Александр Владимирович

существует для решения совершенно фантастической задачи — регулирования чрезвычайно многообразных и сложных социальных отношений, разных по природе и проявлениям. Может быть, сама сложность феномена требует сложности метода его анализа? И эта сложность, как показывает ряд эпизодов в истории теоретических исканий в правоведеии, может быть достигнута только благодаря междисциплинарному взаимодействию. В таком случае, вероятно, и российскому правоведеию стоило бы воспринять (с должной критической дистанции, разумеется) обозначенные методологические веяния? Может быть, в них есть некое конструктивное основание, которое способствует более разностороннему пониманию природы права, необходимому, в том числе и для решения прикладных юридических задач? Может быть, стремление к герметичности теории, к предметной и методологической самоизоляции — это пережиток прошлого, от которого давно пора отказаться? Большое спасибо за внимание!

Гусейнов А.А.: Спасибо! Главный человек в Московско-Петербургском философском клубе, который является одним из учредителей и хранителей междисциплинарного центра философии права — Александр Владимирович Захаров.

Захаров А.В. — Я не силен здесь в этой аудитории, в которой собрались правоведеи и философы. У меня особая категория: я не отношусь ни к юристам, но представляю общество, может быть в более узком смысле, делового сообщества. У нас есть Конституция, пусть она и не совершенная,

как и все творения рук человеческих, но если бы, мне так кажется, мы жили бы хотя бы по этой несовершенной Конституции, наши дела, как говорят, были бы *match better* и значительно лучше. А Конституцию действительно можно и нужно совершенствовать. И вы знаете, я недавно с удивлением узнал, что провели исследование, знаете на какую тему — Конституция и религиозные ценности. И там исследователь даже подсчитал, в каких в конституциях сколько раз употребляется слово Бог. Я не проверял, но в нашей Конституции — ни разу. Рекордсмены по упоминанию Бога в Конституции вроде греки. На втором месте — иранцы. Потом после этого ряд европейских стран — по два три раза. И в данном случае ведь у нас же есть большая тема, мы ее уже подняли — библейские основы философии права. Я просто если интересно буквально две цитаты из двух конституций могу вам сейчас привести, и потом скажу, в чем суть предложения. Например, Конституция Швейцарии начинается так: «Во имя всемогущего Бога швейцарский народ и кантоны, чувствуя ответственность перед Творением...». Красивое начало. Конституция Германии: «Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми...». Конституция Польши: «Ощущая ответственность перед Богом и перед собственной совестью...». Даже не знаю, куда дальше, но вот последнее — Конституция Греции: «Во имя святой единосущной нераздельной Троицы...». В общем, нам есть куда стремиться и Конституцию нашу тоже можно совершенствовать.

Гусейнов А.А. — Тогда уж лучше наоборот оригинальность свою сохранить.

Захаров А.В. — Возможно. Но я бы хотел сказать вот о чем. мы живем на очередном историческом большом перепутье и не можем определиться все-таки как нам жить, какую сформулировать социально-экономическую модель развития. Ведь никто не будет спорить, что у нас нет пока социально-экономической модели развития. Мы автоматически используем некие элементы рыночной экономики, так как считаем полезным и нужным в зависимости от того, кто находится сверху или внизу, но не более того. А модели как таковой, которая была артикулирована — ее нет. И вторая наша проблема мы никак не можем определиться как нам лучше взаимодействовать с внешним миром. Но, слава Богу, товарищи в последнем послании президент сказал: «Мы не ищем врагов, нам нужны друзья». Мне кажется это просто руководство к действию. Здесь философия права могла бы сыграть свою роль, вопрос только как. Все, что сегодня здесь прозвучало и прозвучало на нашей предыдущей встрече философов и юристов имеет чрезвычайно важное значение для судьбы страны. Только мало кто об этом знает. Когда слушал выступающих в очередной раз поставил себе вопрос: как донести

пусть даже и не до широкой общественности, но до design makers сказали бы у них, а у нас бы сказали до принимающих решение, все-таки важность этой темы и возможность системного подхода именно к философии права для все-таки в дальнейшем улучшения ситуации внутри страны и для устройства новой системы коммуникации в мире. Потому что мы вдруг начали последние два года самоизолироваться. Причем мы не настолько самоизолируемся даже, как сами себе это представляем и особенно масс-медиа. Вот некоторые говорят: как же так, вдруг все опять нас не любят. Я говорю — меньше смотрите ящик и не все будет так плохо. Все живут своей жизнью. Нам нужно самим предлагать темы для размышления. Они есть, нас беспокоят действительно много вещи, которые происходят — сегодня они тоже упоминались (отношение к ценностям, отношение к семье как к безусловной ценности и так далее). Сегодня тоже было произнесено, что право квинтэссенция самого важного в жизни человека и человечества — это свобода и справедливость. Понятия трудноопределимые, имеющие широкий диапазон. Об этих понятиях спорит до сих пор все прогрессивное и непрогрессивное человечество. Значит, в чем может быть суть предложения? В этом году создан наконец-то Совет по стратегическому развитию страны во главе с президентом. Основная задача этого Совета, если исходить из положения — это подготовка предложений для президента для развития страны. С учетом того, что мы собираемся в очень представительной не только в профессиональном но и в национальном отношении аудитории. У нас институты правовые представлены, Конституционный суд, генеральная прокуратура, ведущие философы. Надо подготовить системные предложения, связанные с стратегическим изменением отношение к философии права. Почему? Потому что мы неоднократно говорили, что нам нужны новые учебники, новые курсы, новое отношение. Нам нужны юристы и администраторы, наши будущие руководители, которые сейчас, еще на студенческих скамьях, постигают глубины философии права. Для этого нужны системные усилия. Вопрос в том, могут ли институты объединить свои усилия — с участием, кстати, генеральной прокуратуры — подготовить некие предложения системного свойства совета по стратегическому развитию, имея в виду и внутреннюю содержательную сторону (чем может быть полезна философия права), и для выстраивания внешних коммуникаций. Вот может быть на эту тему подумать: как донести до Совета по развитию и до широкой общественности все те мысли, которые сегодня и не только сегодня были высказаны.

Гусейнов А.А. — Хорошо, спасибо большое. Сергей Львович, пожалуйста.

Чишков С.Л. — Вторая половина нашей дискуссии во многом сконцентрировалась на вопросах метатеоретического уровня познания внутреннего единства феномена права и юриспруденции как науки. Это единство было обозначено как «юридический мир». Сама программа междисциплинарного исследования юридического мира представляется весьма интересной и перспективной. Можно ли в рамках этой обширной программы найти место для собственно философского исследования юридического мира при том, что с правовой реальностью философия как будто просто не может иметь дела: нее для этого нет специального научного аппарата, нет и главного — прямой практической работы с этой реальностью. Но все же, как это ни покажется странным, именно эта реальность и ее осмысление всегда были предметом философии права.

В этом отношении интересна исследовательская программа Гегеля, изложенная им в Предисловии к его «Философии права». Программа предельно консервативная по своей сути. Интересно, что именно в этом Предисловии к своему главному философско-правовому произведению он формулирует ряд положений, которые характеризуют его исследовательскую программу. Мы помним ее главный тезис: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно». Весьма примечательно, что именно в Предисловии к философско-правовому труду он считает нужным высказаться и в целом о философии как «времени, постигнутом в мысли», здесь же мы встречаем его утверждения, о том, сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек и только тогда философия начинает рисовать своей серой краской по серому. По Гегелю, задача философии права заключается в постижении разумности сущего, то есть позитивного права и государства, как они есть в действительности. В его Философии права мы, поэтому, постоянно встречаем крайне раздраженное отношение к правовым теориям, критически оценивающим наличное право и государство, как к некоему недомыслию.

Программа Канта, мы так ее условно назовем, принципиально иная с довольно сильным критическим элементом. Это очень хорошо видно может быть даже не столько у самого Канта, сколько у его продолжателей и в Германии и в России. В основе этой программы не столько поиск разума в сущем, сколько постоянное соизмерение сущего с должным в праве. Право рассматривается не только само по себе, но обязательно ставится в более широкий контекст этико-социальных проблем. Поэтому проблемы взаимосвязи права и нравственности, внешней и внутренней свободы, а также вопросы равенства справедливости не выносятся за скобки. В основе такой програм-

мы лежит та или иная версия социальной антропологии или метафизики личности. К этой линии, кстати, относится и Петражицкий, о котором сегодня уже вспоминали.

Отвечая на замечание Валентины Викторовны о том, что проблема внутренней свободы выходит за рамки правовой проблематики, я бы хотел сказать вот что. В принципе, я с этим утверждением бы согласился, в том плане, что в рамках либертарно-юридического типа правопонимания, право не может совершить экспансии в сферу внутренней свободы, но, к сожалению, есть и другие типы правопонимания, для которых этой проблемы просто нет, поскольку внутренней свободы в принципе не существует. Вспомним опять-таки высказывание прекрасного юриста и замечательного человека Габриэля Шершеневича (и это я говорю без иронии) о звездном небе и нравственном законе. Этот тип правопонимания, если вспомнить идеи Христиана Вольфа, не только допускает правовое регулирование нравственной сферы, но и обязывает к этому государство.

И еще. Если сама правовая наука и может редуцировать равенство к правовому равенству, а справедливости к законности, то вряд ли это может быть точкой зрения философии права. Вспомним в связи с этим критику чичеринской концепции правового равенства Новгородцевым. Критика эта велась не столько с точки зрения социальной философии, сколько именно с точки зрения философии права.

Философия права использует разные исследовательские программы, а не только те, что я условно связал с Гегелем и Кантом. Каждая из них уходит вглубь веков, да и сегодня обе они широко представлены, поскольку выражают сам тип философской работы. В этой связи я бы поддержал Елену Анатольевну вот в каком плане. Философия имеет дело с мыслью, именно ее она развивает. Но как она это делает? Она ведь не может непосредственно развивать ту или иную конкретную науку, а когда она это пытается делать, то становится объектом справедливых насмешек. Вспомним диссертацию Гегеля «Об орбитах планет», которая и сегодня приводится в качестве отрицательного примера.

На самом деле философия делает одну небольшую, но очень важную вещь — она расширяет горизонты мышления, поскольку проблематизирует очевидное и достоверное. То, что очевидно, то становится отправной точкой позитивного мышления и по сути не мыслится, во всяком случае не становится предметом позитивного мышления. Потрясающий прогресс правовой мысли от Гуго Гроция до Канта, который мы со студентами разбираем в нашем курсе «философии права», был во многом связан именно с анализом природы свободы человека, именно самоочевид-

ность свободы и ее определений для одного мыслителя становится проблемой для следующего. Философия в этом смысле не столько развивает позитивное право, сколько укрепляет фундамент самой правовой мысли и при этом расширяет сферу возможного применения этой мысли. Кстати, сегодня эту работу мы могли наблюдать в дискуссии по поводу «юридической картины мира»: как проблематизируется это понятие, как раскрываются новые возможности для осмысления и исследования этого феномена. Мне же в этой связи представляется интересной проблема определенного параллелизма (а может быть и существенной взаимосвязи) между развитием морального релятивизма и расширением сферы применения права в нашей жизни. Полагаю, тут есть о чем подумать.

Гусейнов А.А. — Спасибо большое. Мы завершаем, и как мне кажется в высшей степени интересная состоялась дискуссия. Разрешите и мне под конец сделать несколько замечаний в форме реплик. Их будет три.

Прежде всего, два слова относительно статуса философии права. Философия права не сводится к методологическим проблемам правовой науки и, быть может, даже вовсе не включает их в свое содержание (они относятся скорее к ведомству философии науки). Она представляет собой область самой философии, имеющую своим предметом право как особый аспект общественного бытия человека. В этом смысле философию права можно сопоставить с эстетикой как философией искусства, этикой как философией морали, философией религии, политической философией. Вопрос этот не является чисто схоластическим, школьным. Он имеет прямое отношение к пониманию содержания (проблематики, тематического поля) философии права и ее назначения. Как философская дисциплина она рассматривает, прежде всего, вопросы, которые касаются не правоведов, не профессиональных юристов, а общества в целом, всех людей, поскольку они включены в систему правовых отношений. Это, я бы сказал, не теория права, а критика права. Философию интересует идея права, его онтологические, гносеологические и антропологические основания, не наличные правовые реалии, а то, как оно возможно. Ее задача заключается не столько в обслуживании и укреплении права, сколько в том, чтобы защитить людей от возможных злоупотреблений правом, от его деформаций. Если для юриста закон есть закон, и, как гласит известное изречение, справедливость должна восторжествовать, даже если погибнет мир, то философ не готов отдать мир (бытие), он стоит на его страже и именно в этой максимально широкой перспективе смотрит на право, оправдание которого не в нем самом, а в его необходимости для осмысленно-

го и разумного человеческого существования. В отечественной мысли такое понимание, на мой взгляд, обосновывается в трудах В.С. Нерсесянца и С.С. Алексеева, которые при всех имеющихся между ними различиях, едины в том, что право есть бытие свободы, что она будучи мерой («математикой» по образному выражению Нерсесянца) свободы, сама измеряется свободой.

Если я правильно понимаю, философия права в том виде, в каком она присутствует в отечественной учебно-исследовательской практике последних десятилетий и представлена, по крайней мере, одним журналом и большим количеством (свыше десяти) обобщающих книг (монографий, учебников и курсов лекций) под таким названием, входит скорее в корпус юридических наук, чем философских. Вопрос о философии права как части философского знания, как она представлена, например, у Канта («Метафизика нравственности»), Гегеля («Философия права»), а если брать авторов нашего времени, у В.В. Библихина («Введение в философию права»), Э.Ю. Соловьева («Категорический императив нравственности и права»), и как части правовой теории нуждается в специальном исследовании и обсуждении. Может быть, их следовало бы даже назвать по-разному; к примеру, оставив за одной частью название философии права, другую часть можно было бы обозначить иначе, что-нибудь типа дикеологии.

Следующая реплика касается поставленного Гадисом Абдуллаевичем вопроса о противоречии между понятным и методологически законным подходом к правам человека как к безусловным, абсолютным ценностям и тем фактом, что на практике такое понимание выливается нередко в неприемлемый нормативный тоталитаризм европоцентристского толка. Я бы сказал, что в этом силлогизме вывод является ложным именно по той причине, что он совпадает с общей посылкой. Здесь не хватает среднего звена, малой посылки. Если мы всерьез воспринимаем идею абсолютно-го начала в праве, в частности, абсолютности прав человека, — я думаю именно так ее и надо воспринимать — то из этого вытекает относительность любых фиксирующих ее установлений позитивного права. Ведь право в своем непосредственном содержании есть, говоря словами Канта, определение и сохранение границ свободы индивида (личности, субъекта) в обществе. Абсолютна сама свобода как источник права, а ее законосообразная мера всегда конкретна. В рассуждении, о котором идет речь, не хватает как раз того среднего (особенного) звена, того субъекта, который определяет, в чем для него и в его случае заключается исходная абсолютность прав человека. Именно абсолютность прав человека запрещает возводить в абсолют любую конкретизацию этих прав, точно также, как обязывает уточнять условия и формы

их соблюдения в опыте конкретной жизнедеятельности конкретных индивидов. Идея абсолютности органически переходит в относительность любых ее толкований. В противном случае это не может быть абсолютом, перестает им быть. Именно потому, что права человека абсолютны, где-то и какие-то женщины могут связывать свое достоинство с ношением платков, а где-то и какие-то с тем, что они их не носят.

Последняя реплика касается вопроса о соотношении морали и права. Он неизменно возникает при теоретическом осмыслении права, в особенности при рассмотрении того, как право соотносится с законом, точнее, как идентифицировать правовую сущность реальных законодательных опытов. Считается, что этическая санкция законов является показателем их правовой добротности. Так, В.Д. Зорькин, много уделяющий внимание в своих замечательных работах проблеме взаимодействия права и морали, в особенности проблеме моральных основ права, считает, что легитимность правоприменения в значительной степени обеспечивается его опорой на общественную мораль. В схожем же направлении рассуждал и Александр Джангирович в своем выступлении, говоря, что за личностью, правами человека нельзя упускать из виду также общее благо, интересы социума. В силу своих профессиональных пристрастий я могу быть последним, кто стал бы отрицать важную, даже центральную, но в любом случае ничем незаменимую роль нравственности в нормативно-ценностной системе общества. Но, тем не менее, когда речь идет о соотношении и взаимодействии морали и права, этих очевидным образом близких, родственных форм общественной регуляции поведения, возникает ряд вопросов, которые требуют уточнения.

Мораль и право связаны между собой таким образом, что мораль можно считать и многие авторы считают ограничением, своего рода пределом права; так, законодательство не может не считаться с господствующим в обществе исторически сложившимися нравственными представлениями, более того, оно опирается на них. Еще Аристотель установил что добродетель и справедливость тождественны, но не во всем, в той части, в какой они различны, добродетель дополняет и исправляет закон, поскольку у закона, составленного в общей форме, неизбежно имеются лакуны. Значит ли это, что мораль определяет право, первична по отношению к праву, более важна, чем право, выше права, что право — это лишь минимум морали, как думал В.С. Соловьев? Вряд ли. Наряду с влиянием морали на право существует и обратное влияние права на мораль, которое в определенных отношениях могло быть решающим. Так, правовая регуляция, единое законодательство, надо думать, имели решающее

значение в процессе трансформации многочисленных локальных нравов в единую общественную мораль государственно организованной народной жизни. Сходство морали и права может определяться не тем, что кто-то в этой взаимодействующей паре является первичным или более важным; объяснение может заключаться в том, что они проистекают из одного источника. Так, в марксизме они как элементы надстройки детерминированы соответствующим экономическим базисом общества; в логике Гегеля они суть моменты объективного духа. Некоторые наши авторы, как упоминалось, выводят право из свободы, по Канту и нравственность уходит корнями в ноуменальный мир свободы.

Когда общественную мораль рассматривают как некую апелляционную инстанцию при оценке доброкачественности законодательной деятельности, то надо иметь в виду как минимум два взаимосвязанных и непреодолимых затруднения. Во-первых, общественная мораль в современном обществе, как Российская Федерация, не есть нечто гомогенное и очевидное: она многолика и многоаспектна. Как понятие оно имеет такую

степень неопределенности, которая допускает различные толкования; не существует надежных научных методов идентификации общественной морали. Во-вторых, никто не может выступать от имени общественной морали, исторически не сложились и по сути невозможны субъекты, уполномоченные обществом делать это. Те же, кто берет на себя такую роль, именно по этой самой причине, неизменно теряют как раз моральный авторитет, как это буквально на наших глазах происходит с религиозно-церковными деятелями и учреждениями. Более того, чтобы адекватно ответить на вопрос об общественной морали и общем благе, придется обратиться к действующему праву и законодательству. Право само по себе и есть одно из концентрированных выражений общественного блага. И когда мы хотим выйти за пределы права, чтобы найти его критерии в общественной морали, мы, мне кажется, неизбежно попадаем в заколдованный круг. Общественная мораль и право, в целом, если брать тип их взаимосвязи, закольцованы между собой.

Всем большое спасибо за участие в нашем круглом столе.

Ways of development of the philosophy of law in Russia: Round Table of the Interdisciplinary Center Philosophy of law of the Institute of Philosophy RAS December 7, 2016 Moscow

List of Participants

Institute of Philosophy, RAS

HUSEYNOV Abdusalam Abdulkerimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of RAS, Scientific Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

STEPIN Vyacheslav Semenovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Philosophical Society.

SMIRNOV Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

CHIZHKOV Sergey Lvovich — PhD in Political, Senior Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academic Secretary of the Interdisciplinary Center of Philosophy of Law.

ROZIN Vadim Markovich — Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

TUHVATULINA Liana Anvarovna — is a Graduate Student of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

The Constitutional Court of the Russian Federation

BONDAR Nikolai Semenovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.

GADZHIEV Gadis Abdullaevich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Institute of State and Law of RAS

GRAFHSKY Vladimir Georgievich — Doctor of Law, Professor, Head of the State History, Law and Political Studies Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

LAPAEVA Valentina Viktorovna — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

BOCHKAREV Sergey Alexandrovich — PhD in Law, Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Members of the Moscow-Petersburg Club and guests

KERIMOV Alexander Dzhangirovich — Doctor of Law, Professor of the Law Faculty, M.M. Speransky Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

BARENBOYM Petr Davidovich — PhD in Law, Lawyer, Partner of the Bar Association of Moscow “Barshevsky and Partners”.

ZAKHAROV Alexander Vladimirovich — PhD in Economic, Chairman of the Board of Trustees of the Moscow-Petersburg Philosophical Club.

Voynikanis Elena Anatolievna — PhD in Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Law and Development, Higher School of Economics, Skolkovo.